

Мария
Мартова

Платье
для
Тавы

Мария Мартова
Платье для Галы

«Издательские решения»

Мартова М.

Платье для Галы / М. Мартова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504114-2

Фантастическая повесть рассказывает о том, как в недостижимый мир высокой моды ворвалась маленькая смелая девчонка со своей необыкновенной коллекцией удивительных нарядов.

ISBN 978-5-00-504114-2

© Мартова М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Побег	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	22
Часть 2. В лесу	28
Глава 1	28
Глава 2	34
Глава 3	35
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Платье для Галы

Мария Мартова

© Мария Мартова, 2019

ISBN 978-5-0050-4114-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Побег

Глава 1

В знаменитом доме мод госпожи Фуксии с утра все шло вверх дном. В полдень должен был состояться грандиозный показ новой весенней коллекции. К тому же о своем визите дала знать чета мэра города, и это обстоятельство вызвало еще большую суматоху.

Энергичнее всех суетилась сам хозяйка. Она, как фурия, носилась по всем комнатам, распахивая и с шумом захлопывая двери, кричала невпопад на кого придется и то и дело меняла свои туалеты. То скинет ажурную пелерину со своих пышных плеч, то наматает огромный боа из разноцветных перьев себе на шею. То ей понадобится водрузить на голову дорогую диадему с одним выпавшим изумрудом, и ей придется все время поправлять ее при быстрой ходьбе. То вдруг она пожелает обтянуть свою необъятную талию широким золоченым поясом, звенящий сотней тяжелых старинных монет.

Но потом она же с ожесточением сорвала с себя все это, накинула немислимые по пестроте и разнообразию шелковые платки и шали с бахромой и после этого принялась бегать еще быстрее и зацеплять краями одежды стулья, осветительные приборы, манекены. Отдышавшись, госпожа Фуксия поправила сбившийся во время скачки парик и утерла раскрасневшееся жирное лицо.

– А вы что застыли, как куклы? Неужели я одна должна беспокоиться о сегодняшнем представлении? Вам, вижу, ни до чего нет дела, – гневно крикнула она, переходя на визг, в то время, как перепуганные девушки-модели, стайкой забившись в уголок, с опаской глядели на нее.

– Опять наша Фуфу не в духе. Видишь, Марго, как прыгает ее муха? – прошептала одна из красавиц по имени Лили своей подруге.

Фуфу (а именно так называли все в этом доме госпожу Фуксию) обладала огромной, размером с приличную муху, черной родинкой на широком мясистом носу. А когда ее хозяйка теряла по какой-либо причине самообладание, то муха, то есть родинка, приходила в движение и нервно вздрагивала. И тогда вздрагивали все вокруг, что на какое-то время вселяло уверенность в растревоженную Фуфу.

– Где эта несносная девчонка? Где эта дуреха Галка? – продолжала она выть и швырять во все стороны ленты и шляпки. – Всем искать ее! А ну, марш!

И стайка девушек, застигнутых врасплох, тут же разлетелась по всему дому, дабы исполнить высочайшее повеление. Конечно, найти в огромном здании маленькую Галку, а точнее Галу, а еще точнее Галанту, было непросто. Множество залов, больших и малых комнат, широких и узких коридоров, кладовых, каморок и подсобок могли укрыть в своих углах кого угодно.

В просторном парадном вестибюле с высоким потолком, хрустальными люстрами и зеркалами во всю стену Галы быть не могло. Не было ее и в следующем демонстрационном зале с длинным высоким подиумом и завершающей его круглой, как цирковая арена, площадкой.

Разъяренная Фуксия искала свою подопечную и в грим-уборной среди растревоженных девушек-моделей, и в пошивочных мастерских среди швей-закройщиц, и в темных гардеробных, и в складских помещениях – все тщетно. Идти же в самую дальнюю часть дома с маленькими хозяйственными помещениями, скользкими лестницами и ужаснейшей, по ее мнению, кухней-столовой для работников, Фуфу вовсе не хотелось. Здесь всегда отвратительно пахло кислой капустой и дешевыми рыбными консервами, а не духами и свежими цветами, как в залах для гостей. И оттого у нее кружилась голова, ее мутило, а черная родинка непременно приходила в нервный трепет.

Именно сюда, в маленькую кладовую для хранения продуктов, и забежали перепуганные Лилия и Маргарита в надежде найти беглянку и уберечь ее от хозяйской бури. Она сидела тут прямо на полу – маленькая черноглазая растрепанная девушка шестнадцати лет, в старом, выдавшем виды сером сатиновом платье, грубо заштопанном на локтях и подоле. Гала кормила из блюдечка молоком и размоченной в нем плесневелой булкой маленького серого мышонка, чем-то с виду напоминавшего ее саму.

За этим мирным занятием и застала ее взбешенная Фуксия, влетевшая в распахнутую дверь. Обе девушки-модели в страхе вскрикнули и выбежали вон. Гала тоже испугалась и вскочила на ноги. Зато глупый мышонок продолжал невозмутимо завтракать.

– Ах, вот ты где, мерзкое создание! Мышей, значит, прикармливаешь? И это вместо того, чтобы готовиться к моему выходу. Это в моем-то доме! Вот, значит, какая твоя благодарность за мою доброту.

Мышонок, оглушенный воплями Фуксии, перестал жевать и с интересом уставился на разъяренную женщину. А та схватила со стола тарелку и что есть силы швырнула в побледневшую Галу. Но промахнулась и попала в блюдо с мышиной едой. Мышонок взвизгнул, но вместо того, чтобы скрыться с места преступления, уверенно помчался вперед, прямо на обидчицу. От неожиданности Фуксия попятилась назад, споткнулась о табурет и грузно свалилась на пол. Парик слетел с ее головы, обнажив плешивый череп. Маленький серый проказник весело запищал, будто захихикал. А Гала невидимой тенью бесшумно растворилась в воздухе.

Глава 2

На Цветочную площадь въехал роскошный автомобиль ярко-розового цвета. Обогнув цветочный рынок, он плавно подкатил к широкому крыльцу двухэтажного здания с белыми мраморными колоннами, с высоким портиком, лепниной на балконах и карнизах и с двумя откормленными каменными львами, охранявшими тяжелые дубовые двери.

Из автомобиля выскочил бледный худощавый франтик в шляпе а'ля фру, в черном фраке и с изящным розовым цветком в петлице. Несмотря на прохладную весеннюю погоду, господин явно не желал одеваться теплее, а хотел лишний раз покрасоваться в своем сшитом с иголки наряде. Он по привычке посмотрел в боковое зеркало машины, поправил цветок в петлице, пригладил жидкие волосы на голове и, оторвавшись наконец от собственного отражения, уверенно направился к зданию. Бросив взгляд на крышу, он увидел знакомую вывеску из трех огромных букв «дом», усыпанных сверкавшими на солнце камнями, а рядом с ней под углом такого же размера зеркало, в котором отражались те же буквы, но в обратном порядке – «мод».

– Эх, – вздохнул красавчик.

Ему всегда было жаль, что такое огромное зеркало висело так высоко и оставалось недосягаемым для его любования своей прекрасной внешностью. Насвистывая нехитрую мелодию, он небрежной походкой заправского модника вспорхнул на крыльцо и скрылся за заветными дверями.

И за всей этой сценой в одном из окон дома наблюдало, спрятавшись за плотную штору, любопытное лицо в мятом парике. Как только гость покинул поле обзора, оно поморщилось, шмыгнуло носом с крупной родинкой и вновь скрылось за занавеской.

– Тьфу ты! Этот слизняк уже тут как тут. Опять прискакал самым первым. А генерала все еще нет никак. Вот напасть, – шипело себе под нос недовольное лицо. – И где эта гадкая Галка? О чем она все думает? Вот только до нее доберусь!

Но добраться до «гадкой Галки», как называла ее Фуксия, когда была в бешенстве, было не так-то легко. Та очень хорошо знала темные углы этого большого дома и потому без труда укрывалась от посторонних глаз, если ей хотелось побыть одной. Вот и сейчас, слыша топот ног и крики зовущих ее девушек, она и не думала покидать укрытия и сдаваться на милость своей госпоже.

Да она и никогда не ждала ее от властной хозяйки. Многолетняя крепкая вражда – вот что связывало их. Но такова была судьба, а от нее, как известно, не уйдешь. Еще малюткой Галанта оказалась здесь на попечении великодушной Фуксии, взявшей ее на воспитание из жалости в память перед заслугами ее покойной матери Мелиссы. Та была замечательной цветочницей в парке президентского дворца и знала о цветах буквально все. В ее руках расцветали самые редкие и капризные растения. Она же ласкала, жалела их и даже пела им песни, словно маленьким детям, уверяя, что они ее слышат и все ей рассказывают о себе. Когда же им делалось плохо, то болела и она сама. Это было все, что знала Гала о своей матери, которой никогда не видела. Не видела она и своего отца, служившего когда-то солдатом в гвардейском полку и погибшего при невыясненных обстоятельствах. И лишь благодаря благим побуждениям госпожи Фуксии, пользовавшейся услугами Мелиссы и делавшей ей многочисленные заказы дорогих цветов, маленькая Гала и оказалась в этом доме. Однако в доброту чувств своей попечительницы ей нисколько не верилось. Но других объяснений она не находила.

Итак, Галанта прожила целых шестнадцать лет в доме, который его хозяйка почитала чуть ли не дворцом. Фуксия относилась к нему трепетно и нежно, как к любимому чаду, не забывая нахваливать его при каждом удобном случае. И конечно же, ее раздражало присутствие в нем маленькой негодницы со своим растрепанным видом и неистребимым запахом кислой капусты. Что ж, Гала жила в кухне и вся пропиталась ее дешевыми ароматами. А пла-

тя, которые она носила, были бесконечно далеки от образцовых нарядов дома Фуксии, что шились на заказ обеспеченным клиентам. Гале приходилось самой мастерить себе нехитрую одежду из обрезков серых подкладочных материалов.

Вообще, как считала добропорядочная хозяйка, Галкины руки были ни к чему не приспособлены, и потому эта девчонка напрасно ест чужой хлеб. Правда, кроме Галы, никто не мог так ловко затягивать тугой корсет на могучей талии госпожи Фуксии, аккуратно подбирать каждую складку ее пышного туалета, красиво начесывать и пудрить ее парик, а потом изящно украшать его маленькими бутонами живых фуксий. Это качество тонких Галиных пальчиков признавала даже сама госпожа. И теперь она бегала по всему дому в поисках нерадивой помощницы, срывая ярость на всех, кто попадался на ее пути.

На парадной лестнице она наткнулась на одну из девушек и закричала что есть силы:

– Что ты здесь делаешь? Почему не в зале?

– Но вы же сами велели искать Галу.

– Молчать! Я сама знаю, что велела. А сейчас велю готовиться к показу. Марш на подиум!

А то...

Она не договорила. Ее красное от гнева лицо приняло вид натянутого приличия.

– А, господин Рококандр, – пропела она. – Так неожиданно.

Франт в черном фраке и шляпе а'ля фру смиренно стоял внизу у лестницы и ждал момента для глубокого поклона.

– Целую ручки, – церемонно расшаркиваясь, проговорил он хриплым от волнения голосом.

– Что же вы так рано? Я еще не совсем готова, – не глядя на него, продолжала басить Фуксия. – Кстати, вы не знаете, генерал Олдафон, он скоро приедет?

– Не смею вас огорчить, но, к сожалению... – Рококандр выдержал нужную для приличия паузу и убедительно откашлялся. – Генерал некоторым образом сейчас занят. Он, видите ли, принимает парад войск и никак не может присутствовать на вашем великолепном...

– Какой, к дьяволу, парад, когда у меня парад моделей! – вскипела Фуксия, и черная муха отчаянно задергалась у нее на носу. – Ведь должен приехать сам мэр с супругой. Это безобразие!

– Да, да, – поспешил согласиться гость и быстро добавил: – Я это знаю и еще знаю одну деликатную вещь и скажу вам ее по секрету, – он оглянулся по сторонам и на всякий случай продолжил шепотом. – Видите ли, господин мэр будет здесь не только ради, так сказать, любезности. У него в планах подобрать кандидатуру на должность директора нового дворца мод. Его уже начали строить. Может, слышали?

Фуксия замотала взъерошенным париком и напряженно вытянула шею вперед.

– Так вот... – вид Рококандра выражал столько уверенности, что хватило бы на целую армию доброжелателей, – так вот. Возможно, что одной из претенденток на это место будет... Вам это интересно?

Фуксия чуть не поперхнулась от перенапряжения.

– Да говорите же, а то я... – в бешенстве она чуть не ударила бедного Рококандра. Тот побледнел и попятился назад. Опомнившись, Фуксия немного успокоилась, взяла себя в руки и с видом глубокого безразличия продолжила. – А впрочем, какая мне разница. Я тружусь не ради наград и званий. Мне важно, чтобы людям было во что одеваться, – она гордо вскинула голову и поправила съехавший на бок парик. – Мне пора переодеться. А вы, пожалуйста, не стесняйтесь, проходите в зал.

Собственно, Рококандр, он же министр моды и давний поклонник Фуксии, и не думал стесняться. Он чувствовал себя здесь, как дома, и поспешил занять место в ложе для высоких гостей.

Глава 3

Вскоре весь дом наполнился народом. Такого здесь еще никогда не видели. Вся мощь модельной мысли и блеск неотразимого детища Фуксии были призваны покорить сердца и умы самых придирчивых и требовательных ценителей моды. В ход пускалась лучшая коллекция работ госпожи Фуксии, плод ее неусыпного труда за многие месяцы творческих изысканий. Хотя, если быть точным, ее деятельность заключалась не столько в умении создавать новые, в духе последних веяний моды фасоны, сколько в способности задавать тон всему движению к вершинам модельной славы и убеждать публику в своем непосредственном участии в этом великом деле.

И конечно же, гвоздем программы на этом празднике каприза и вкуса была сама Фуксия. Ее имя розовыми лампочками светилось на высоком зеркальном потолке и проецировалось на стенах, увенчанных хрустальными канделябрами и вазами с букетами живых цветов.

Она же, королева бала, и должна была под восхищенными взглядами многочисленной публики ознаменовать открытие парада моды. На высокий подиум, залитый светом софитов, под звуки торжественного марша, трубившего из огромных динамиков, она выплыла роскошным океаническим лайнером с величественной мачтой невероятно пышного парика, на котором сигнальными огнями алели бутоны фуксий. И крупные блестящие бусы, и массивные браслеты на запястьях, и ниспадающие до пышных плеч тяжелые серьги – все было в едином откровенно розовом исполнении, как и сам безумно сложный в своей архитектурной задумке многослойный и многоуровневый наряд, отдаленно напоминавший огромную клумбу ярко-розового цвета.

Медленно и важно дефилировала Фуксия по помосту, даря всем радость своего триумфа. Она обворожительно улыбалась и так старательно растягивала лицо, что улыбалась даже ее черная муха на носу. Она склоняла в умилении голову, теряя при этом верхние слои пудры, и прикладывала свои пухлые руки к тому месту, где должно было биться ее полное любви сердце. Во всем этом броском великолепии неопытному глазу трудно было заметить неумело затянутый пояс на выпиравшей во все стороны талии, неровно подобранные складки необъятной по размерам юбки и неловко нахлобученный парик, выдававший свое истинное назначение.

Но гром восторженных аплодисментов мог рассеять любые сомнения в таланте и безупречном вкусе властительницы подиума. А уже с противоположной стороны к ней спешил летящей походкой сам министр моды Рококандр. Он желал самолично представить широкой публике свою звезду и очень волновался, подходя к микрофону. Изливая дифирамбы, он терял голос и сбивчиво и гнусаво проговаривал:

– Блистательная и несравненная, очаровательная и обворожительная, сногшибательная и... и прочая, известная во всем... то есть почти во всем мире обладательница почти всех титулов и званий от мастера художественной штопки до героя золотой пуговиц.

Его речь сладким сиропом растекалась по нетерпеливо гудящему залу и не давала намека на свое завершение. Но к счастью, микрофон не выдержал напряжения, подозрительно зашипел, потом забулькал и на какой-то момент совсем охрип. И тут же громкая радостная музыка ворвалась на подиум и утопила старания министра, затерявшегося среди лучей софитов и складок пышного Фуксиного наряда. И снова овации и крики «браво» заставили сиять виновницу торжества. Она богиней медленно и величаво спустилась с высот подиума и стала любезно раздавать автографы своим бесчисленным поклонникам.

А между тем представление продолжалось, начинался смотр моделей. Все внимание переключилось на подмостки, куда должны были ступить первые красавицы дома мод госпожи Фуксии. Зазвучала негромкая плавная, как весенний ветерок, музыка, мягкими лучами заиг-

рали десятки лампочек под потолком, воздух наполнился напряженным ожиданием, смешанным с запахами дорогих духов и ароматами живых цветов, украшавших интерьер.

Наконец на красную дорожку вышла первая участница – миловидная и немного застенчивая с виду девушка по имени Маргарита. Она была самой молодой из всех моделей, и ей пришлось первой выступить на столь важном и ответственном мероприятии. Ее волнение и трепет не ускользнули от внимания зрителей. Немного покраснев, она на мгновение остановилась, потом собралась с духом и уверенной походкой двинулась вперед. Поток света охватил ее изящную стройную фигуру, облаченную в оранжево-коричневый крепдешин с мелкими складками на рукавах и подоле. При каждом шаге ткань плавно играла волнами, будто пританцовывая, и делала Маргариту легкой и воздушной. Радостным блеском сияли ее карие глаза, которым очень шел этот фасон. А вокруг щелкали затворы камер, сверкали вспышки фотоаппаратов, суетились вездесущие репортеры, и наперебой обсуждали увиденное неугомонные зрители.

Но не успел зал насладиться красотой первой модели, как следом уже выходила следующая участница – тонкая бледная Лилия. Ослепительно белый атлас, ниспадавший с высоких плеч до самого пола, удивительным образом подчеркивал сияние и чистоту светло-русых волос девушки, навевая ощущение холодности и неприступности. Казалось, красавица была вся высечена из мрамора. Ни один мускул не дрогнул на ее бледном лице, пока она свободной походкой проплывала под шумное одобрение зала.

– Посмотрите, как удачно дополняют туалет эти зеленые аксессуары, отделка пояса и воротника, украшения из изумруда. Они просто согревают образ своим теплом. Чудесная находка! – восторженно комментировал импозантный седоволосый господин в дорогом смокинге и шелковом галстуке с золотой булавкой.

Стоявший рядом с ним журналист записывал услышанное в блокнот.

– Теплая находка, изумрудный наряд... Как точно подмечено, – бормотал он. – О, а это кто? Просто богиня!

Богиней оказалась Виолетта, грациозная манерная девушка, пожалуй, самая старшая из всех и потому знавшая себе цену и умевшая ее с достоинством держать. Она неторопливо, как бы нехотя, проплывала мимо очарованных поклонников, поглощавших ее жадными взглядами. Девушка, не скупясь, давала насладиться и прелестью своей грации, и волнующей сердце красотой своей внешности, и изяществом бархатного платья, отороченного золотым шитьем. Здесь было на что посмотреть. Томный взгляд из-под темных ресниц кружил головы пришедших на представление благородных мужчин и вызывал зависть и уважение дам, не в силах оторваться от этого совершенства форм и пластики. Весь облик Виолетты будто говорил: «Смотрите, любуйтесь, наслаждайтесь». И лишь когда она повернула назад, внимательный зритель успел разглядеть ее безумно дорогое платье темно-фиолетового цвета, сильно зауженное в талии, с глубоким вырезом на спине и длинным шлейфом, тянувшимся за ней по полу.

Но все когда-нибудь кончается, и даже такую красоту могла затмить другая, вовсе не претендующая на звание лучшей.

– Вербена! Вербена! – загудел взволнованный зал, когда на помост вышла новая модель – розовощекая огненно-рыжая девица с вызывающе ярким макияжем.

Ее платье, сплошь усеянное блестками, слепило глаза, словно зеркало на свету. И в этом буйстве блеска неискрушенному взгляду трудно было даже угадать демонстрируемый фасон. Но ее саму, по всей видимости, это совсем не смущало. Она сверкающим вихрем пронеслась по подиуму под ободрительные выкрики «О!» и «А!», щедро одаривая ослепленных поклонников воздушными поцелуями. Потом бросила в зал ни к чему не обязывающий взгляд надменной красавицы и скрылась в глубине кулис.

Тут ей на смену пришла другая девушка-модель.

– Это же Гортензия! – громко и радостно закричал бледный господин в черном фраке, с цветком в петлице и в шляпе а'ля фру. В порыве чувств он готов был выскочить из собственного костюма и, сильно взволнованный, продолжал: – Это она! Она!

Ему ужасно хотелось поделиться своей осведомленностью со всеми вокруг – и со знатоками модельного бизнеса, и с критиками моды, и с модельерами, и с вездесущими журналистами, и просто с публикой, желающей быть в центре событий.

– А не та ли это Гортензия, что подписала контракт с самим Вернисаче? – поинтересовался кто-то из толпы.

– Конечно, конечно. И не только с ним, но и со многими, со всеми... Это такая звезда, такая звезда!

– Так почему же она здесь, если она уже связана с другими салонами?

Рококандр, а это был он, осознал свою оплошность и, сделав вид, будто не расслышал, принялся неумеренно громко хлопать в ладоши.

– Простите, а не подскажите насчет Орхидеи? Сегодня обещали ее выход, – один из репортеров обратился к неистовому министру.

– Да, да, конечно! И Орхидея и не Орхидея... – рассеянно ответил тот, продолжая изображать заинтересованного зрителя.

А в это время светло-сиреневый свет софитов выхватил из глубины сцены высокую хрупкую фигуру девушки, скользившую легкой походкой вдоль замирающих рядов зрителей. Музыка заиграла энергичнее, защелкали затворы камер, и восторженные возгласы «О, Орхидея!» посыпались со всех сторон. А Орхидея, затаенная в нежные шелка прохладных пастельных тонов, красовалась в лучах славы и обожания. Свежесрезанным цветком из оранжереи выглядела она в блеске своего облачения. Нежными волнами расплывались складки ее платья и при каждом шаге готовы были унести ввысь это юное создание.

– А вы что грустите, мой друг? – обратился корреспондент с блокнотом к импозантному господину в смокинге. – Неужели вам неинтересно?

Тот, очнувшись от раздумья, медленно произнес:

– Интересно, но... Здесь, понимаете, нет жизни, что ли... Все как-то надуманно, ненатурально...

Репортер опустил руку с блокнотом и внимательно посмотрел в глаза собеседника. Потом что-то прошептал про себя, усмехнулся и, махнув рукой, беспечно заключил:

– Нет же, это вам только кажется. Посмотрите, как все великолепно! Красота не может быть ненастоящей.

А тем временем праздник продолжался, огни стали переливаться разными цветами, музыка зазвучала веселее и увереннее. Настроение толпы разогрелось и готово было перерасти в восторженное буйство.

Но вдруг все замерло. По рядам пробежал гул нетерпения. И наконец брошенное кем-то в зал известие о прибытии мэра с супругой вызвало бурю восторга. И теперь все внимание публики переключилось на широкие зеркальные двери главного входа, которые должны были вот-вот распахнуться и впустить важных гостей. Но что-то задерживало открытие, и нетерпение зрителей усиливалось.

Зато поистине философское терпение было на стороне самого мэра. Миродар (так его звали) спокойно стоял возле супруги в беломраморном вестибюле и наблюдал, как она прихорашивалась перед зеркалом. Гардиния (так звали ее) никак не могла оторвать взгляда от собственного отражения.

Миродар посмотрел на часы: было начало второго. С утра он был занят делами по работе, в то время как Гардиния весь день готовилась к празднику, но так и не смогла собраться до конца. И теперь она придирчиво наносила последние штрихи к своему макияжу и прическе. Она знала, что ей нужно выглядеть не хуже тех звезд, которые сейчас сияли на подиуме. Кра-

савица от природы, она находилась уже в том возрасте... Впрочем, какое кому было дело до ее лет. О них в обществе ходили только догадки, и даже сам незабвенный супруг доподлинно не ведал этой тайной.

– Дорогая!

– Все, все, иду. Какой же ты нетерпеливый.

Она снисходительно улыбнулась ему, взяла покровительственно под руку и царственной походкой вошла в зеркальные двери.

Весь зал зашумел, заколыхался, словно море от внезапно налетевшего ветра. Вновь защелкали камеры, засверкали вспышки фотоаппаратов, и целая толпа поклонников ринулась к гостье за желанным автографом. А мэр тем временем незаметно отошел в сторону и оставался незамеченным, будто телохранитель важной персоны.

Гардиния дарила всем собравшимся приветливые улыбки и, слегка наклонив свою прелестную головку, посылала толпе снисходительно-великодушные взгляды. Больше всего внимания при этом доставалось, конечно же, виновнице торжества госпоже Фуксии. А та, несмотря на свою крепкую комплекцию, буквально трепетала, как лист на ветру, в безудержном желании высказать свое почтение столь высокой особе.

– Вы сегодня необыкновенны! Вы сегодня ангел! Вы так, так, так... – слова застряли у восторженной поклонницы в горле, и она вся покраснела вместе с родинкой на носу.

Гардиния посмотрела ей в глаза с доброй мягкой улыбкой и положила свою руку в тонкой лаковой перчатке на могучее Фуксино плечо.

– Не стоит так волноваться, дорогая, – певучим голосом проговорила она. – Вы сами выглядите просто великолепно, поверьте мне.

Фуксия только отмахивалась надушенным белоснежным платочком с кружевами и продолжала густо покрываться краской. Неизвестно, чем бы закончилась эта трогательная сцена, ни приди на помощь сам Миродар.

– Вы обе великолепны. Со стороны видней. А мужской взгляд самый точный, – мудро заметил он. – Что же касается моей драгоценной супруги, то она, госпожа Фуксия, старалась ради вас. Она сама придумала свой наряд и дала ему название. Как вы думаете, какое?

Фуксия стояла с открытым ртом и застывшей родинкой на носу. Мэр молчал, молчала и Гардиния. Фуксия беспомощно вглядывалась в глаза окружающих ее людей, пытаясь найти в них подсказку.

– Весенний сад! – наконец с гордостью провозгласила она и с торжествующей улыбкой вскинула вверх голову.

Восторг оаций хлынул по всему залу. Это, действительно, был настоящий шедевр модельного искусства, а название как нельзя более подходило к наряду. Да и само время года – ранняя весна – диктовало подобные находки. Уже первые лучи весеннего солнца уверенно пробивались сквозь плотные облака и согревали пробуждавшиеся благодатные всходы первоцветов в городских садах и парках. И сама Гардиния просто излучала весеннюю благодать. Весь ее внешний вид – и легкий румянец на щеках, и небесная лазурь добрых приветливых глаз, и мягкая улыбка – говорили о скором приходе долгожданного тепла. Тонкий изысканный аромат цветочных духов, затейливый головной убор, напоминавший скорее веночек, чем дамскую шляпку, и, наконец, само платье, похожее на букет первоцветов с полупрозрачными лепестками самых нежных оттенков, – все оправдывало название и навевало дух весеннего сада. А Гардиния, продолжая мило улыбаться, взяла своего супруга под руку и неспешной походкой поплыла сквозь ряды к ложе для почетных гостей.

Представление, внезапно прервавшись, возобновилось, и новые аккорды с удвоенной силой погрузили публику в пучину праздника.

Глава 4

Только вот места на нем нашлось не всем. В темной тесной комнатке с низким потолком и единственным слуховым окошком не было ни огромных зеркал, ни ярких ламп, даже мебели здесь не было никакой. На широких полках громоздились толстые пыльные рулоны материй всех сортов и расцветок. В этой кладовой и пряталась от хозяйского гнева маленькая темно-волосая девушка в сером сатиновом платье.

В сущности, в незатейливой жизни Галы праздников никогда и не было. Она всегда находилась вдалеке от больших и малых событий и видела только то, что могло происходить в подсобных помещениях большого модного дома. Даже в школу ходить ей не довелось. Заботливая Фуксия во избежании дурного влияния предпочла нанять дешевых учителей, которые изредка навещали к этой нерадивой ученице, вечно занятой уборкой, стиркой и мелкими побегушками. Частенько ее попросту не оказывалось дома – то она в продуктовой лавке, то на свалке с тюками неизрасходованных материалов, то на цветочном рынке в поисках дорогих цветов для украшения вестибюля и зала. И конечно же, Гала понятия не имела о детских играх и игрушках. Тряпичные куклы, сшитые из разноцветных лоскутков, были единственным развлечением ребенка, все дни которого складывались лишь из будничных хлопот.

И вот теперь, скрывшись подальше от шума, охватившего дом, она наслаждалась одиночеством и свободой. Ей вовсе не было скучно среди ровно разложенных тряпок. Она проходила между ними, приподнимая подол своего серенького платьица, и развешивала щедрые поклоны шифонам, крепдешинам, коленкорам, кашемирам. Торжественная музыка, едва проникавшая сюда, подогривала ее воображение, и она мягко и грациозно вальсировала, проплывая туда-сюда, и улыбалась сияющей улыбкой.

Внезапно музыка заиграла громче, и Гала поспешила заглянуть в маленькое слуховое окошко в самой глубине комнаты. Оно выходило в демонстрационный зал и терялось там под потолком среди блестящего декора.

Гала приоткрыла створку и едва не задела рукавом лежавшие на подоконнике портновские ножницы, рулетку и цветок в горшке. Отругав себя за неосторожность, она просунула голову в окошко и была оглушена радостным голосом ведущего:

– А теперь Роза, несравненная и неповторимая, представит многоуважаемой публике новинку сезона – «флер де рос».

Громко грянул бравурный марш, и Гала еще сильнее вытянула вперед шею и снова едва не зацепила цветок в горшке. Он щекотал ей подбородок, но она не замечала этого. Все ее внимание было приковано теперь к противоположной стороне зала. Там в ложе для высоких гостей она увидела солидную пару, вокруг которой увивался хорошо знакомый ей господин Рокочандр, нередко бывавший в этом доме. Он что-то страстно нашептывал то мужчине, то его прелестной даме, горделиво смотревшей в зал. Гала, конечно же, не слышала этих слов, но догадывалась об их содержании.

– Это настоящая жемчужина коллекции. Я имею в виду Розу. Вы только посмотрите, какая грация, какой взгляд, какая походка! – без умолку верещал взволнованный министр, посылая пылкие взгляды в сторону безразличной в своем величии девушке-модели по имени Роза.

Ей явно было не до него. Она находилась в атмосфере всеобщего обожания. Толпа осыпала ее восторженными аплодисментами и следила за каждым шагом богини подиума. Облеченная в нежно-розовый муар с пышной отделкой из газовой ткани, она и впрямь являло собой очарование только что сорванного цветка молодой розы.

Трудно было не восхититься этой красотой и обаянием. Важный господин в ложе даже привстал, а его спутница навела на модель маленький театральный бинокль.

– Bravo! Bravo! – кричал зал и шумно аплодировал.

Захлопала и маленькая серая девушка в слуховом окне. Общее настроение безудержного ликования передалось и ей. Она была счастлива, ощущая себя частицей этого большого праздника. Несомненно, и в ее жизни встречались светлые мгновения.

Так, однажды, вспомнила вдруг Гала, эта самая Роза, красивая и неприступная, попросила ее, Галу, пришить пару пуговиц к своей новой горжетке. И та, прокалывая пальцы и путаясь в нитке, старалась изо всех сил, желая угодить знаменитости. Она предложила ей еще свою помощь, но Розе больше ничего не потребовалось, как впрочем, и другим девушкам, редко бывавшим в этом доме, а еще реже встречавшимся вместе под одной крышей. Было ли им дело до серой жизни маленькой, никому не заметной девчонки?

– И наконец финал программы, – возвестил ведущий.

И звонкая торжественная музыка подтвердила правоту этих слов. На высокий подиум вышли сразу все участницы и выстроились в единый роскошный букет, отражавшийся во всех зеркалах под ослепительными лучами софитов. Вновь засверкали вспышки камер, зашептала, зашумела неугомонная публика, а вездесущий человек во фраке и цветком в петлице суетливо забегал взад-вперед, пытаюсь убедить всех присутствующих в своей несомненной осведомленности:

– Самые последние фасоны, самая тонкая работа, самые натуральные, самые дорогие материалы.

– Странно, – удивленно приподнял бровь импозантный гость в галстук с золотой булавкой. – А с виду кажется капроном и искусственным шелком. Иначе почему так ярко, так сочно блестят они на свету?

Однако гром оваций заглушил его голос. Зал встал и громко зааплодировал. Девушки прошли по красной дорожке одна за другой грациозно и непринужденно с высоко поднятыми головами, молодые, высокие, стройные, одетые с иголки. Гала невольно залюбовалась ими. Где ей, маленькому серому галчонку, быть среди таких королей?

И тут вдруг она поняла, что идут не девушки, а только наряды. Все их обладательницы на одно лицо и фигуру, как манекены в примерочной Фуфу. И даже Роза оставалась незаметной в общем блеске этого созвездия. А ведь сколько слышала Гала от других девушек завистливых слов и замечаний, сколько слез проливалось за вожделенное звание быть лучшей среди всех.

«А где первая, там и последняя,» – решила Гала и усмехнулась.

Цветочная пыльца попала ей в нос, и она громко чихнула. Благо, музыка в зале играла достаточно громко, и присутствия Галы никто не заметил. Все внимание зала теперь было поглощено выходом на помост хозяйки салона – дородной и неповоротливой Фуксии. Это был триумф огромной во всех смыслах личности.

– Госпожа Фуксия! – трубил во весь голос ведущий, красный от переполнявших его чувств. – Госпожа Фуксия – автор этих чудесных творений, непревзойденных шедевров модельного искусства.

Гром оваций разливался по всему залу. В волнении была и вся толпа восторженных почитателей. Рококандр тем временем уже кружил вокруг величественного автора шедевров, норовя поцеловать то правую, то левую ручку, увитую дорогими браслетами.

– Поприветствуем же госпожу... – сквозь нарастающий шум ведущий пытался вставить хоть слово, но его усилия тонули во всеобщем безумии навалившегося счастья.

Все собравшиеся – и почтенная публика, и высокие именитые гости, и преданные поклонники во главе с уважаемым министром, и многочисленные журналисты, и сами модели, служительницы моды – все рады были бы высказать свое почтение незабвенной кутюрье, если бы это не сделала первой противная девчонка Галка, как справедливо называла ее Фуксия. Да, да, именно эта самая негодяйка решила по-своему отсалютовать своей благодетельнице и скорчила ей рожу, выстроив на носу фигуру из растопыренных пальцев.

Конечно же, никто не видел этого хамского поступка. Зато всем стал очевиден его результат – свалившийся на голову ничего не подозревавшей госпожи Фуксии горшок с цветком. По воле судьбы в злосчастном горшке, совершившем столь головокружительный полет, оказалась та самая пресловутая фуксия, которую велела рассадить по всему дому хозяйка из любви к себе и к своему имени. Итак, летающая посудина, ровно опустившись вниз, с веселым грохотом разбилась о блестящий пол, разбросав землю и не причинив никакого вреда госпоже Фуксии. А вот цветок... Он при стремительном снижении совершенно случайно зацепился за голову опешившей от неожиданности дамы и самым нелюбезным образом сдвинул на бок грандиозный парик вместе с воткнутыми в него бутонами сортовой... ох, все той же фуксии.

Ни музыка, ни овации, ни восторженные возгласы уже не раздавались среди нависшей в зале гробовой тишины. Лишь слышны были только щелчки камер фотоаппаратов. Все с замиранием глядели на героиню произошедшей трагедии, а та, растерянная и оглушенная столь тяжким ударом, стояла, точно статуя, бледная и неподвижная. Когда же остатки жизни вновь вернулись к ней, она подняла вверх голову со сбившимся париком, и ее лицо тут же приобрело темно-багровый оттенок, который гораздо более подходил к ее откровенно розовому одеянию. Она в упор посмотрела в глаза своей насмешницы. Но в них не было ни тени шалости или ребячества, а лишь испуг и жуткая горечь собственной гибели и безысходности.

Глава 5

Календарь на стене швейной мастерской утверждал, что уже началась самая настоящая весна. Не веря ему, портнихи с ужасом глядели в окна, за которыми разыгралась нешуточная метель. Будто кто-то на земле совершил страшное злодеяние, и теперь небо посылало свой неистовый гнев, карая все вокруг.

– Вот напасть-то, – вздохнула одна из закройщиц.

– Еще бы, – подтвердила другая. – И куда это наша Галочка рванула в такую страсть?

– Тут ей не лучше, – заметила третья. – Одна погибель да и только.

Молчание воцарилось в комнате. Слышно было лишь дикое завывание вьюги да тиканье настенных часов, указывавших на довольно позднее время.

Наступила ночь. Гала шла по пустынным улицам, с трудом передвигая ноги. Вокруг не было ни людей, ни машин, даже собаки спрятались от жутко сильного ветра. «Может, это и к лучшему,» – вяло подумала Гала, с сожалением глядя на свои ноги в заштопанных шерстяных носках, обутые в старые стоптанные тапки с чьей-то ноги. Прочий ее наряд тоже не был рассчитан для прогулки – помимо серенького мятого платица, на ней была лишь потрепанная шаль того же оттенка.

Впрочем, даже если бы прохожие и надумали пройтись по улицам в столь поздний час, они бы вряд ли обратили внимание на чью-то согнутую спину, припорошенную снегом, во мраке разбушевавшейся стихии. Ничего не было видно на расстоянии двух шагов. Тротуары превратились в одно сплошное заснеженное поле. А дома, холодные и безликие, стояли неприступными бастионами с едва мерцающими сквозь пургу блеклыми окошками.

«Так недолго и сбиться с пути,» – подумала маленькая путешественница и вдруг поняла, что никакого пути у нее по сути и нет. Ей попросту некуда было идти. Лишь черная пустота ненастной ночи и суровая неизвестность впереди распростили перед ней свои холодные объятия. Но первый шаг уже был сделан, и отступать ей было некуда.

И она упрямо шла все дальше и дальше, но в снежной круговерти сама стала кружить кругами, окончательно потеряв ориентиры. Наконец, выбившись из сил, она остановилась и прислонилась к какой-то оgrade. Надо было перевести дух. Однако покой не был на пользу несчастной скиталице: злой ветер настойчиво гнал дальше, грозя заморозить насмерть.

Сжав озябшие кулачки, Гала двинулась вперед. Но куда? И тут, к изумлению, она обнаружила, что все ее поиски оказались напрасны. Шагая по кругу, она оказалась в конце концов на той же Цветочной площади, как раз напротив злосчастного дома мод Фуксии со стороны большого цветочного рынка.

– Это же лавка Незабудки! – радостно воскликнула девушка, узнав в маленькой заснеженной будке то самое место, где частенько забирала заказы для своей хозяйки.

Дверь в лавку была наглухо заперта, но в окошке горел приветливый свет. Посиневшими от холода руками Гала принялась отчаянно колотить в дверь, но ей никто не открывал. Вероятно, Незабудка просто позабыла погасить свет и пошла спокойно спать.

А как жаль! Ведь это была добрая и гостеприимная цветочница. Каждый раз, встречая Галу, она одаривала ее конфетами и душевной улыбкой. Бывало, к Незабудке захаживал довольно странный, но тоже очень добродушный и приветливый господин по имени Плантус. Он гладил Галу по темноволосой голове, объяснялся какими-то непонятными учеными словами и сетовал на то, что никак не может добраться до своей мечты. Он бредил мыслью вырастить у себя в саду в угоду науке какой-то особый удивительный цветок, красивее которого ничего на свете не бывает.

– Он слишком прихотлив, дик и не любит грубых человеческих рук, – объяснял Плантус Незабудке свои идеи. – Вот если бы была жива одна очень толковая цветочница, она бы мне непременно помогла. Но, к сожалению, она умерла уже давно. Жаль.

И ученый вздыхал каждый раз при этом воспоминании.

И Гала вздохнула, пытаясь закутаться в свою плохонькую шаль. Негде ей было больше согреться. Других знакомых в этом большом холодном городе у нее не было. Она оторвалась от железной ограды и поплелась куда глаза глядят.

А глаза ее никуда не глядели. Кроме безжизненных стен запорошенных темных домов, ей ровно ничего не попадалось по дороге. Ноги сами устало переступали по скользким тротуарам и спотыкались на каждом повороте. На одном из них она чуть не упала, едва удержавшись за холодный шершавый столб, на котором не было даже фонаря.

«Что же все так плохо?» – подумала Гала, глядя печально на него. К ее изумлению, это был вовсе не фонарь, а указатель.

– «Райская аллея», – с трудом угадывая в снежной мгле буквы, прочитала она по слогам.

Прочитала и обрадовалась. Из разговоров девушек она знала, что это самое прекрасное место в городе. Улица с роскошными бутиками модной одежды могла поспорить с богатством салона самой госпожи Фуксии. Хотя та была иного мнения об этом. Стрелка уверенно показывала нужное направление, и Гала, не колеблясь, шагнула в сторону манящей неизвестности.

Она думала, что увидит перед собой густые ряды деревьев с райскими яблоками, как на картинках. Вместо этого перед взором Галанты предстала длинная и прямая, как стрела, улица, лишенная не то что бы деревьев, но и фонарей. Зато миллионы ярких неоновых огней, озарявших огромные стеклянные витрины, делали аллею почти сказочной, будили воображение неискушенного ума и влекли неудержимо своими дразнящими чарами удовольствия и красоты. Выставленная напоказ роскошь не могла оставить равнодушной бедную девушку, которая никогда ничего подобного не видела, уверенно поспешила в раскрывшийся перед ней рай.

Однако сделав всего один шаг, Гала замерла на месте. Ей вдруг показалось, что стоит она одна одинешенька на длинной красной дорожке настоящего подиума, а слева и справа на нее устремляются горящие взоры восторженной публики. Тут была ее ошибка. Восхищаться зрелищем предстояло именно ей. И с распахнутым сердцем очарованная девушка согласилась исполнить роль благодарного зрителя.

Вьюга, видно, не решаясь посягнуть на эту заповедную территорию, неожиданно пропала, будто ее и не было вовсе, и тишина и безветрие встретили Галу на вытянутой до горизонта аллее ярких огней. Кроме нее, в столь поздний час тут никого не было, да и двери магазинов были на замках. Юной путешественнице предстояло волю, без суеты насладиться видами того, о чем могла только мечтать.

Первое, что попало ей на глаза, был ювелирный салон. Его сказочный блеск поначалу вскружил Гале голову, ум помутился, она едва устояла на ногах. Но это был всего лишь голодный полубормок. Золото и бриллианты просто подразнили ее своим холодом и строгой правильностью форм, не причинив вреда ее ранимой душе. И все же ей очень захотелось рассмотреть все подробно, чтобы после долго вспоминать увиденное чудо. Броши, кольца, браслеты, колье с рубинами и сапфирами (впрочем, Гала не очень-то разбиралась в этих тонкостях) только немного позабавили не знавшую им цену девушку, и она без всякого потрясения спокойно отправилась дальше.

А дальше оказался еще менее увлекательный магазин косметики, к которой она и не знала даже, как подступиться. Не имея ни знаний, ни вкуса, никаких предпочтений вообще, Гала не ведала, к чему все эти помады, румяна, гели, лаки. Прижав нос к холодному стеклу, она не почувствовала ни единого запаха. А блестящие флакончики, цветные коробочки, баночки, тюбики интересовали ее не больше, чем шпульные колпачки в швейной мастерской госпожи Фуксии.

В недоумении пожав плечами, она перешла на другую сторону улицы и тут ахнула. Под вывеской «Шляпный мир» Гала увидела целую витрину шляпок, кепок, береток, панамок и еще бог знает какого немыслимого излишества, именуемого головными уборами. Она не предполагала, что может быть такое разнообразие этого предмета туалета.

«Надо же, такого я даже у Фуфу не видела,» – подумала она и натянула на голову сбившуюся потертую шаль.

И тут же подпрыгнула от неожиданности и громко закричала:

– Видела, видела!

Она вспомнила, что рыжеволосая красавица Вербена носила точь-в-точь такое же украшение для головы, которое сейчас красовалось перед Галой на витрине. Скорее это был петушиный гребень, эдакий пестрый кудлатый хохолок из разноцветных перьев, нежели просто головной убор. А ведь девушка клялась, что такого больше нигде в мире нет и приобрести его никак невозможно. За это она получила от своей подруги Орхидеи титул стервы и презрение от других девушек-моделей.

Гала еще раз равнодушно глянула на хохол раздора и подошла к следующей вывеске, которая гласила на всю громкость своей роскоши – «Царство кожи».

– А это еще что такое? – удивленно произнесла Гала и уставилась на огромное стекло, за которым пристроились полки с дамскими сумочками. «А что в них носить-то? – подумала она. – Ах, да! Помады». И двинулась дальше.

Следующая витрина навяла на нее не меньше скуки. Под табличкой с тем же громким названием разлеглись и развесились, как груши в саду в год хорошего урожая, многочисленные перчатки всех размеров и оттенков от кипенно-белого до ультрамарина. Были даже пары откровенно розового цвета. «Прямо как у Фуфу,» – подметила Гала. Большинство же перчаток были черные и одинаково неинтересные. Разочарованная «модница» побрела к третьей витрине с названием «Царство кожи». Целый магазин, доверху уставленный обувью, тут же привлек ее пристальное внимание. Сапожки, полусапожки, ботильоны, туфли, закрытые, открытые, на каблуках, на танкетках, на высоких и низких шпильках, с бантиками, с пряжками, с заклепками, с яркими камешками кружились богатым калейдоскопом перед глазами восхищенной девушки. Здесь было на что посмотреть и от чего расстроиться. Все было так заманчиво и так недосягаемо.

Разволновавшаяся Гала поторопилась уйти подальше от рокового соблазна. Да и подолгу стоять в дырявых тапках было холодно и неприятно. Но возле следующего бутика ей вновь пришлось остановиться. И не только у следующего: целая аллея магазинов, дразня и восхищая, будто всерьез решила испытать на стойкость юную душу. Сердце Галы разрывалось от трепета и волнения.

– Вот она, красота неземная! Такое не увидишь даже в мечтах. Это еще прекраснее, чем у Фуксии, – восклицала она, переходя от витрины к витрине.

Шевот, кашемир, ангора, букле в одном месте, дюпон, шифон и атлас в другом, а были еще батист, бархат, коленкор. У Галы глаза разбегались. Она потеряла счет во времени и все снова и снова прижималась к морозным стеклам бутиков. Ее равнодушного внимания удостоились роскошные меха – шубы, полушубки, манто, горжетки, муфты. Не прошли мимо ее взгляда элегантные плащи, жакеты, кардиганы, брючные костюмы, просто брюки, бриджи, шорты, а еще юбки – мини, миди, макси, прямые, плиссированные, заутюженные, расклешенные. А платья, платья... Им не было счета, а порой и названия. Это были будничные, деловые, вечерние, праздничные, бальные, карнавальные одеяния с рюшами, сборками, вырезами, шлейфами...

Гала остановилась перевести дух. От увиденного кружилась голова, от голода тошнило, от холода трясло и делалось дурно. Ей стало грустно и горько. Столько платьев существует на свете, многие даже никогда и не становятся чьей-то собственностью, а остаются лишь образ-

цами для всеобщего обозрения. А сколько она слышала жалоб от модниц-моделей о том, что им буквально нечего носить, хотя их гардеробы трещали по швам от избытка ненужного тряпья. А вот у Галы...

Вдруг в одном из окон она увидела до боли знакомое платье из розового муара, утопающего в облаке газовых оборок.

– Это же... Ну, конечно, оно. Та же фактура, тот же крой, и выточки, и сборки, и декольте... Ха-ха! Жемчужина коллекции! Вот она, обратная сторона таланта, госпожа Фуфу!

Гале сделалось весело, и она от души рассмеялась. Холод и грусть как рукой сняло.

Было тихо и спокойно кругом. Вьюга уже забыла, как кружила над этим миром, пусть даже и райским. Зато кружила, не переставая, в вихре безудержного танца, вдохновленная Гала. Тапки слетали с ее ног, а платок разлетался, как крылья птицы, во все стороны.

Эта маленькая девушка постигла смысл высокой моды, познала истинную цену роскошным нарядам и потому была счастлива. С легким сердцем покидала она этот модный обман, из-за которого ломали копья достойнейшие особы всего города.

– А это еще что за «райский тупик»? – внезапный восторг Галы сменился удивлением.

Огромный глухой забор встал стеной перед ней и перекрыл ей дорогу. Вперед идти было нельзя, а назад не имело смысла.

«Неужели нет никакой лазейки?» – не поверила она в реальность препятствия и вскоре нашла то, что искала, – узкую, в одну доску брешь в заборе. Мышью нырнула в нее Гала и оказалась по ту сторону ограждения.

– Люди? Живые? – прошептала она с удивлением, заметив нескольких человек в рабочих комбинезонах, копошившихся с лопатами и заступами вокруг глубокой ямы. При ярком свете прожекторов они монотонно трудились, намечая участки для дальнейших раскопок с помощью рычавшего поодаль экскаватора с ковшом. Никто из рабочих не заметил присутствия постороннего наблюдателя на площадке.

– И что это нашей мэрии вздумалось так спешно гнать эту стройку? – проворчал один из землекопов. – Эй, разворачивай. Тут сплошная глина. Попробуй копнуть дальше, – крикнул он экскаваторщику и вновь повернулся к товарищу с лопатой. – О чем это я? А, ну вот. Вкальвай тут днем и ночью. Сроки, сроки... И дался им этот новый дом. Мало, что ли, им Райской улицы? Еще одну домину с тряпками надумали городить. Да еще какую!

– Это не магазин одежды, – поправил его сослуживец и, отставив лопату в сторону, вытер со лба пот. – Это будет дворец мод, вроде салона Фуксии, только намного больше и современнее.

– Фу... Фуксии? А что это такое?

Любознательный рабочий так и не узнал ответа. Он услышал громкий лай сторожевых псов и увидел у собачьей будки маленькое серое существо, на которое, срываясь с цепи, истошно лаяли собаки.

Остальные строители тоже остановились и уставились на невесть откуда взявшуюся на площадке девчонку. А Гала, тихонько бродившая тут в надежде разгадать назначение этих работ, даже не заметила, как приблизилась к опасному месту – будкам с разъяренными четвероногими охранниками. А теперь, напуганная их истошным лаем и свистом рабочих, металась туда-сюда затравленным зверем. Но на ее счастье, ей попались на глаза открытые ворота. Она рванула к ним. Однако выскочить не смогла. Навстречу ей, надрывно грохоча, выкатился большущий грузовик, груженный песком. Водитель не заметил на своем пути маленького встревоженного человечка и спокойно высыпал на землю весь свой нелегкий груз. Облако пыли накрыло Галу с головой и сделало невидимой.

Откашливаясь и чихая, со слезами от едкой пыли она едва выбралась из злополучной ловушки и тут же повстречалась с новой бедой. Патрульная полицейская машина, дико завывая

сиреной, заставила испуганную беглянку собрать остатки сил и скрыться в ближайшей подворотне. В непреодолимом страхе металась она по углам и закоулкам и, вконец измотанная, встала посреди дороги. А дороги-то и не было.

В спешке она не заметила, как оказалась на городской окраине. Сзади мелькали одинокие огни домов и еле слышно доносился гул проезжавших автомобилей. Впереди неприступной стеной стоял глухой пугающий чернотой лес. Недолго думая, Гала без страха и сомнения двинулась в темную неизвестность.

Глава 6

Уставшая, голодная, продрогшая до костей маленькая скиталица плохо подходила для путешествия по незнакомому ночному лесу. Ночь не обещала быть теплой, а мрак гостеприимным. Однако ветер окончательно стих, снег перестал сыпать, а на бездонном сером небе высветилась чистая гладкая луна, похожая на новый фонарь.

Гала остановилась. Она впервые оказалась в лесу и имела о нем весьма смутное представление, сложившееся в основном из описаний ее знакомого ученого господина Плантуса. Он говорил, что лес – это дом природы со своей атмосферой, сложным строением и многочисленным населением, по-соседски связанным между собой и враждой, и дружбой. «Прямо как у Фуксии,» – подумалось Гале.

Однако этот «дом» оказался ничуть не похожим на ее прежнее обиталище. Высокие кривые деревья пугающими чудовищами толпились вокруг нее и не давали свободно пройти. Жадные ветвистые лапы то и дело цеплялись за ее и без того изодранное платье. Жилистые корни, невидимые ямы и скользкие неровные кочки все время старались сбить ее с ног. И не было никакого намека на дорогу или малую тропинку, – лишь грязная припорошенная снегом земля и безлюдье дремучего леса.

Долго-долго, ни на миг не останавливаясь, брела она по страшным дебрям, едва освещенным бледным лунным светом. Коленки ее были сбиты, руки поцарапаны до крови, а от шали на плечах, которую она все время вырывала из колючих объятий, не осталось ничего, кроме дыр. В какой-то момент Гала почувствовала, что не в силах больше двинуться с места, и ухватила за широкий ствол черного склизкого дерева.

– У-у-у... – прогудело дерево.

Гала подняла голову и увидела два ярких огненных глаза. Они поморгали в ночном мраке, потом огромная темная птица вспорхнула, рассыпав снежные хлопья, и стала кружить над испуганной девочкой с тем же громким уханьем.

Не помня себя, Гала кинулась прочь и, выбравшись с трудом из густых зарослей, выскочила на заснеженную пустошь. И лишь только она успела сделать шаг, как мягкая вязкая жижа под ногами с устрашающим бульканьем потянула ее вглубь. Гала отчаянно замахала руками и стала испуганно звать на помощь. Но никто в глухом лесу не мог ни услышать ее, ни спасти. От собственного голоса, эхом возвращавшегося к ней, Гале сделалось еще страшнее. А смертельно опасное болото затягивало все сильнее. Воды было уже по пояс, когда, потеряв последнюю надежду, бедняга зацепилась одной рукой за что-то твердое.

Это была болотная кочка, крепкая спасительная твердь. Из последних сил маленькая утопленница ухватила за нее и выкарабкалась из трясины. Вконец растерявшаяся, промокшая, с босыми ногами, отдавшими болоту свою нехитрую обувь, вновь поплелась она шаткой походкой, точно больная, в непролазную глушь. Она жадно хватала ртом воздух, будто уже успела нахлебаться воды, и больше ни о чем не думала. Голова ее сильно гудела, ноги не слушались и предательски подгибались на каждом шагу, а перед глазами стоял непроницаемый мрак и полная безысходность. Споткнувшись о сваленное дерево, она упала наземь и так и осталась лежать, не находя в себе ни сил, ни желания подняться. Глубокое безразличие накрыло ее своим ласковым крылом, и Гала почувствовала упоение и безмятежную слабость. Сознание уносило ее легким ветерком прочь от жизненных тревог, и ей больше уже ничего не хотелось.

Первое, что пришло на ум умирающей Гале, было добродушное лицо господина Плантуса. Он как будто говорил ей:

– Никогда не бойся леса. Он твой друг и всегда тебе поможет. Что бы ни случилось, не теряй самообладания. Если заблудилась, первым делом разожги костер. Он тебя согреет, поможет приготовить тебе пищу и наконец подаст сигнал твоим спасателям.

Гала лишь горько улыбнулась бесполезному совету ученого друга и крепко сомкнула веки, чтобы больше их никогда не открывать. Но вдруг ей показалось, что где-то в глубине мрака притаился маленький огонек. Гала открыла глаза.

– Костер... – скованными от холода губами прошептала она еле слышно.

Ей показалось, что это предсмертные галлюцинации. Но танцующие в темноте языки пламени убеждали в истинности увиденного. Гала опять учащенно задышала и, цепляясь за кусты и корни деревьев, поползла к спасительному огню.

Она пыталась угадать, кто же сотворил здесь это чудо. В ярких отблесках костра показался силуэт уродливого старика в странной накидке. Когда же девушка подошла совсем близко, оказалось, что это сидит на пеньке маленькая, еще меньше, чем Гала, столетняя старушонка в глубоких морщинах и в оборванном, хуже, чем у Галы, тряпье. Старушка подкидывала в костер сухие щепки и, казалось, не замечала присутствия незваной гостьи. А Гала так сильно устала, что не находила в себе ни сил, ни смелости первой обратиться к этой загадочной лесной обитательнице и не пыталась понять, кто она такая и что здесь делает.

Вдруг огромная черная птица вылетела откуда-то из тьмы, громко и выразительно гаркнула и, щелкнув страшным стальным клювом, спокойно уселась старухе на плечо. Гала вздрогнула.

– Не бойся, – скрипучим голосом произнесла жительница леса, не поднимая головы и не глядя на Галу.

– А я и не боюсь, – слегка заикаясь, ответила девушка, стараясь не глядеть на ворону.

– Знаю, – опять проскрипела дремучая собеседница. – Насквозь тебя вижу. Ты такая же изгнанница из большого города, как и я. Я все знаю, все вижу, твою жизнь прошлую, твою жизнь будущую. Все тебе скажу. А ты сядь тут, посиди, погрейся.

Не веря собственным глазам и собственным ушам, Гала тихонько присела прямо на землю возле старухиного костра и протянула к нему озябшие руки и промокшие ноги. И тут она почувствовала желанное тепло, к ней вернулись утерянные силы, и она с жадностью стала слушать скрипучий рассказ старой лесной пророчицы.

– Жизнь твоя предначертана, – вещала ведьма скомканным беззубым ртом, чертя веткой на мягкой земле какие-то знаки. – Ты не напрасно пришла в этот мир. Никому не нужная, никем не оцененная, ты должна его изменить. Суждено тебе сотворить важное дело...

– Какое дело, бабушка?

– Тише, не перебивай, – недовольно прошамкала старуха. – Видишь этот круг? Это твое рождение.

– Но он разделен пополам. Почему? – едва слышно прошептала Гала.

– Сама вижу, да не пойму. Будто ты дважды рожденная.

Гала улыбнулась, а гадалка что-то пробубнила себе под нос, потом погрузилась в раздумье и снова принялась выводить непонятные кружки и стрелки.

– Это твой путь. Он тернист и извилист. Не имея ничего, создашь многое. Помни слова мои: ничего не бойся и не останавливайся на полпути.

Старуха бросила в огонь щепоть земли, и та вспыхнула, точно порох. Глядя в мерцающие искры, вещунья изрекла:

– Быть тебе тем, кем должна быть. Иди своей дорогой, думай свои умом, полагайся только на себя. Обретешь то, что было дано тебе при рождении.

Ведьма ткнула прутом во вторую часть круга. Гала лишь пожала плечами.

– А это, что это за маленькие черточки? Их тут так много, и все они возле длинной прямой стрелы.

– Это деяния твои. Соверши триста шестьдесят пять чудес, и цель будет достигнута. Ты обретешь себя, свое имя и его, – она опять ткнула палочкой в полукруг. – И будет у тебя все.

«Заговаривается старушка,» – подумала Гала и собралась уже было уходить, как была остановлена резким взглядом ворожеи.

– Пойдешь туда, куда укажет она, моя верная помощница.

С плеча старухи слетела черная ворона и закружила вокруг Галы. Та отпрянула назад.

– Ничего не бойся и птицы не бойся. Она тварь божья. Она поможет тебе найти его.

– Кого?

– Дело твое, за которым идешь. А я тут сидеть буду, размышлять стану над твоей дорогой.

Не все еще мне здесь ясно. После доскажу.

– Когда же, бабушка?

– А когда назад вернешься.

– Когда же мне возвращаться-то?

Старушка заметно занервничала:

– Что ты меня допытываешь, расспросами мучаешь? Сказано тебе, как птица моя за тобой прилетит, так и быть твоему возвращению. А сейчас не мешай, я думать думаю буду.

Старушка что-то небрежно швырнула под ноги девочке и вновь погрузилась в свои тяжелые мысли. Гала молча поклонилась ей и подняла с земли неожиданный подарок. Им оказались старые Галины тапки, утопленные в болоте. Они были совсем сухие, но с налипшей на них тиной.

– Это тебе в дорогу, – пояснила добрая колдунья и принялась что-то невнятно шамкать губами.

Гала смогла разобрать только одну фразу: «первый цветок». Ничего не понимая, она влезла в свою вновь обретенную обувь, еще раз вежливо поклонилась доброй старушке и вопросительно глянула на выпучившую глаза ворону.

– Кар, – важно произнесла чернокрылая птица и, вспорхнув с плеча хозяйки, полетела в гущу темного леса.

Гала за ней.

Они двигались очень узкой путаной тропинкой. С трудом пробираясь сквозь густые заросли, Гала не надеялась, что когда-нибудь придет конец этому ужасному лабиринту. Она едва успевала за быстро парящей проводницей. А та на каждом крутом повороте пронзительно каркала, давая о себе знать. Иначе разглядеть черноперое существо в непроницаемой тьме лесных дебрей не представлялось возможным. На расстоянии вытянутой руки не было видно ничего. А впереди ждали все новые и новые испытания. Силы, так чудесно обретенные у старушкиного костра, стали постепенно иссякать. Гала уже едва держалась на ногах, а ворона продолжала упорно призывать идти дальше.

Но вдруг она умолкла, и перед девушкой возникла непроходимая стена крепких густых зарослей. Гала остановилась и стала озираться по сторонам. Однако ничего похожего на какой-нибудь просвет не было видно. А идти назад и стоять на месте было нельзя. Гала на минуту растерялась и стала беспокойно искать выход из тупика.

Тут ее внимание привлекли длинные колючие ветки у самой земли, царапавшие ей ноги. Отодвинув их в сторону, она заметила маленькое углубление, похожее на нору, прямо в гуще зарослей. Шустрой мышкой юркнула в нее миниатюрная девушка и поползла на коленях вперед, движимая любопытством, пока свод ветвей не поднялся над ней так высоко, что она смогла встать в полный рост.

Ветвистая арка оборвалась и впустила очарованную путницу в новый лес, совсем другой, не имеющий ничего общего с предыдущим. Напрочь забыв про свою крылатую проводницу, Гала сама, как ворона, стояла с раскрытым ртом и глазела по сторонам.

Как же удивительно было здесь! Лунный свет ронял тонкие лучи на живописный простор круглой поляны, обрамленной, словно крепкой стеной, высокими стройными елями, надежно защищавшими этот уголок леса от ветров и посторонних глаз. На большой поляне не было ни

густых зарослей, ни уродливых кустов, ни кочек, ни вязких топей. Мягкая теплая земля, полностью лишенная снега, ровно разлеглась под ногами Галы и приветливо приглашала ступить в этот полный спокойствия мир.

Гала сделала шаг и остановилась, глубоко дыша. Ей показалось, что воздуху здесь так много, что она никогда не сможет им надышаться. Сердце, переполненное волнительным восторгом, учащенно билось, как барабанная дробь. Девушка перевела дух, стряхнула с себя остатки тревоги и уверенно двинулась вперед.

В самом конце поляны она заметила невысокую темную гору. А когда подошла ближе, поняла, что это была скала, покрытая сбоку, точно замшей, огромным лоскутом пушистого мха и усаженная на острых выступах одинокими деревцами. Их корни, как распущенные волосы, свешивались вниз до самой земли и врастали в нее.

Гала захотела забраться по ним на вершину скалы. Она ухватила рукой за самый толстый корень и неловко потянулась вверх. Тут же на ее голову упал ком земли. Она отскочила в сторону и рассмеялась своему страху. Звонкий девичий смех, словно колокольчик, зазвенел по всей поляне. И вдруг Гале показалось, что кто-то еще смеется вместе с ней. Она умолкла и в ночной тиши услышала легкий плеск воды. «Кран течет, – подумала она. – Откуда?».

Движимая любопытством, она пошла на звук и приблизилась к бьющему из скалы источнику. Веселым ручейком, звеня и подпрыгивая, бежал он вниз по замшелым камням, игриво рассыпая в стороны холодные брызги. Гала радостно улыбнулась своему новому мокрому знакомству и снова засмеялась громко и задорно на всю поляну.

А дальше ее ждали другие приятные чудеса, и она пошла их искать уверенно и радостно. Первым на ее пути был большой темный пруд, в который втекал сбегавший со скалы поток. Гала едва не угодила в воду, не заметив сразу под ногами опасность. Потом она осторожно отодвинулась на шаг назад и с интересом стала приглядываться к лесному водоему. На гладкой черной поверхности поблескивали лунные блики, в которых резво плескалась настоящая живая рыба, разрезая плавниками черную гладь воды. Гала видела такое впервые и не могла оторвать взгляд от удивительного зрелища.

«Хорошо-то как!» – подумала она, вдыхая влажный воздух, смешанный с терпким запахом хвои, наполнявшим весь лес. Она даже зажмурилась от удовольствия, а когда открыла глаза, увидела вдали, прямо посередине поляны огромное невероятных размеров дерево.

«Как это я его сразу не усмотрела?» – недоумевала Гала, у которой уже шла кругом голова. Таких гигантов она никогда в городе не встречала. И тут ей на ум снова пришли слова господина Плантуса: «Вековые дубы с их раскидистыми ветвями, густыми кронами и толстой корой могут иметь высоту более десятка метров, а толщина ствола может достигать площади... да вот хотя бы цветочной лавки».

Гала внимательно рассмотрела исполина. Несомненно, это был дуб. Могучий, тяжело-весный, словно воин, он стоял на страже окружающей его поляны и оберегал ее незыблемый покой. Девушка поспешила к нему, под его надежную защиту.

И тут внезапно ночную тишину нарушил резкий тонкий свист. Гала испугалась и вздрогнула. Ей показалось, что и сам дуб вздрогнул вместе с ней от неожиданности. А прямо возле своего виска она увидела длинную стрелу, глубоко врезающуюся в толстокожий ствол дерева.

Гала испугалась еще больше, когда откуда-то из тьмы услышала чей-то приглушенный голос:

– Остановись! Если ты нечистая сила, сгинь тотчас. Я не боюсь тебя. Если ты человек, я убью тебя. Это мой лес, и я не потерплю здесь чужака.

Гала, все еще дрожа и пытаясь собраться с духом, посмотрела в пугающую тьму и увидела в тусклых лучах лунного света бесформенную тень в нелепом одеянии. Менее всего увиденное напоминало человеческий облик. Гале следовало бы испугаться неизвестного чудовища. Но она сумела взять себя в руки и четко и звонко ответила неприветливому незнакомцу:

– Никуда я не уйду. И тебя я не боюсь.

Ее собеседник не заставил себя ждать и вышел из глубины мрака. Гала придвинулась вплотную к дереву. Если бы она могла, то непременно прошла бы его насквозь, чтобы избежать неприятной для нее встречи. Но дуб стоял прочно и никак не хотел пропускать маленькую заложницу. А тем временем лесной человек приближался все больше и больше.

В ночных сумерках среди густых зарослей он показался Гале свирепым и страшным. Но когда он вышел на середину поляны и вступил в светлый круг лунного луча, оказалось, что это совсем обыкновенный молодой парень, хорошо сложенный, с правильными чертами лица, с длинными до плеч русыми волнистыми волосами. Скорее он был красив и даже привлекателен. От него веяло каким-то незримым обаянием и теплом, но никак не угрожающей жестокостью. Одет он был в волчью шкуру, как первобытный дикарь. За спиной у него висел кожаный колчан со стрелами, а в руке он держал лук с туго натянутой тетивой.

Гала, забыв про страх, невольно улыбнулась. Незнакомец тоже ответил ей улыбкой, обнажив ряд белоснежных зубов, и подошел к ней ближе. И в этот момент она увидела у него в руке веревку, привязанную к огромному лохматому псу. Улыбка сползла с Галиного лица. А когда зверь оскалил пасть и показал свои острые клыки, она слегка задрожала. Гала ждала чего угодно, думала, что собака зарычит, залает, бросится на нее и чего доброго растерзает, если хозяин не успеет удержать веревку. Но вместо этого свирепое животное подняло кверху свою огромную морду и протяжно, с надрывом завывало на луну.

Девушка не выдержала и упала без чувств. А когда пришла в себя, почувствовала тепло вокруг, услышала тихое потрескивание горящих поленьев. До нее донесся аромат жареного мяса и чье-то близкое дыхание. Она с трудом приоткрыла веки и увидела того самого красавца юношу, который напугал ее своим питомцем. Молодой человек приветливо подмигнул ей.

– Ну, как себя чувствуешь?

Гала вместо ответа вздрогнула и огляделась по сторонам.

– Не бойся, волка я привязал у входа в пещеру. Ну как? Нравится тебе мое жилище?

В неровных отблесках волнующихся языков костра Гала попыталась внимательно разглядеть странный, ни на что не похожий вертеп, в котором она невольно оказалась. С виду он напоминал гигантскую скалистую нору с каменными выступами, изломами и причудливыми кривыми наростами. Высокий каменный свод терялся во тьме и гулким эхом возвращал каждый обретенный звук. Все здесь выглядело непривычным, загадочным.

Стены этого странного жилища были обтянуты звериными шкурами, а среди них были аккуратно развешаны пучки трав, кореньев, сушеных листьев. Отдельно на больших крюках покоились охотничьи ножи, копыта, дротики, а еще какие-то дудки, трещотки. Внимание Галы привлекли подвешенные за хвосты рыбы и солидные куски вяленого мяса в самой глубине пещеры. Она не могла отвести глаз от запасов съестного, хотя вокруг было еще много интересного.

Пол, точно коврами, был тоже устлан звериными мехами, пахнувшими прелым терпким запахом. В середине дома-норы напротив Галиного ложа, устроенного прямо на полу, пылало пламя очага, над которым крутился на вертеле поджаренный докрасна заяц, рассыпавший жирные янтарные брызги. Девушка невольно потянулась к нему, приподнявшись со своего мягкого соломенного тюфяка, покрытого козьей шкурой. Но тут же почувствовала сильное головокружение и тошноту и обессиленно откинулась назад.

– На вот, выпей, – добродушно предложил ей юноша и протянул глиняную посудину с чем-то горячим. – Это козье молоко, оно подкрепит тебя.

Гала с благодарностью приняла угощение и, обжигаясь, выпила всю плошку до дна. Живительная влага теплом растеклась по ее жилам, и она почувствовала, что жизнь вновь вернулась к ней.

– Мяса хочешь? – предупредительно предложил радушный хозяин.

Гала утвердительно закивала, боясь проронить слово, чтобы вновь не почувствовать слабость. Она устало закрыла глаза, дав себе немного отдохнуть. А молодой хозяин принялся тем временем греметь посудой и суетиться возле очага. Когда же он вернулся к своей подопечной, то увидел ее спящей, неловко свернувшейся в маленький комочек.

– Ну, спи, спи, беглянка, – ласково прошептал он и укрыл ее мягкой козьей шкурой.

Часть 2. В лесу

Глава 1

Гала проснулась поздно. Она никак не могла понять, сколько времени проспала. Наверное, полжизни. И не понимала, почему все тихо: не кричит истошно Фуксия, не сигналият машины за окнами, не топают по коридорам чьи-нибудь ноги. И тут она вспомнила свой побег из города и встречу со странным незнакомцем в лесу.

Она поспешила открыть глаза. Было темно, огонь в очаге не горел, а через завешанный полог в проеме пещеры узкой полоской пробивался солнечный свет. Гала вскочила и наткнулась на раскинутые на полу свои старые растоптанные тапки. Она быстро натянула их на ноги и поспешила наружу.

Полуденное солнце, светившее по-весеннему ярко, сперва ослепило ее. Она не заметила стоявшего в двух шагах от нее самого хозяина пещеры.

И он ее увидел не сразу. Ему было не до того. Охваченный разными заботами по хозяйству, он встал по привычке рано и, свистнув своего преданного приятеля волка, направился с ним на утиную охоту. Наскоро подстрелив пару птиц на пруду, он для начала разжег костер тут же на берегу пруда, потом натаскал воды в огромную бочку и наколот дрова. И только после этого принялся потрошить дичь. Вспомнив, что не взял из пещеры свой любимый острый нож, пошел за ним и тут только столкнулся у порога со своей проснувшейся незнакомкой.

Маленький серый комочек стоял в растерянности перед ним, шурясь от солнца, в нелепом дырявом платке, в стоптанных тапках, со спутанными волосами и перепачканным грязью лицом. Юноша пришел в умиление и невольно улыбнулся.

– Ну, как спала, красавица? – то ли в шутку, то ли всерьез спросил он.

– Как королева, – недолго думая, ответила Гала, окончательно разомкнув глаза.

И тут поняла, что этот первый в ее жизни сладкий сон был поистине королевский. На теплой козьей шкуре в окружении благоуханных еловых зарослей она проспала бог знает сколько времени, навсегда расставшись с прошлой усталостью.

Глядя в глаза заботливого незнакомца, она ответила ему той же спокойной доброй улыбкой.

– А что ваше королевское высочество предпочитает на завтрак? – любезно осведомился он.

Гала замялась.

– Да... капусту, а можно кильку в томате... – неуверенно произнесла она, не надеясь на столь затейливое угощение, и услышала предательское урчание в животе.

Однако бывалого охотника не смутили королевские причуды гостя, и он невозмутимо ответил:

– К сожалению, капусты у меня не найдется. Зато могу предложить дикий ревень. А вместо кильки, пожалуй, подойдет карась или карп в пруду. Только сегодня лучше будет начать с жареной утки. Я ее мигом приготовлю. А ты...

Он еще раз с сожалением и едва заметной улыбкой посмотрел на нее с ног до головы.

– Ты пока умойся в ручье, а я займусь едой.

Он скрылся в пещере, а Гала направилась к весело плескавшемуся ручью. Чистая студеная вода окончательно смыла с нее прежние страхи и придала ей бодрости и сил. Только одно удручало ее и лишало уверенности в себе – вконец изношенное платье, вернее то, что от него осталось, и не менее жалкая шаль на плечах. Но что делать? Гала неловко пригладила сбившиеся волосы, оправила обрывки платья и направилась на манящий запах жареной дичи.

Нет, были все-таки сладкие моменты в ее нескладной жизни. И она спешила ими наслаждаться. А радушный молодой хозяин, казалось, только и желал, чтобы незваная гостя осталась всем довольна. Да и ее внешний вид будто вовсе не волновал его, будто перед ним была обыкновенная девчонка, только что нагрывшаяся из далекого города. Да и сам он чувствовал себя в своей незатейливой волчьей шкуре не менее уверенно, чем какой-нибудь король в дорогой королевской мантии.

Они вдвоем сидели у пруда на сваленном бурей дереве – он повыше, она пониже – непринужденно болтали ногами и живо разговаривали, словно старые приятели. Рядом жарко искрился костер, чуть поодаль дремал пригретый солнцем сытый лесной волк. Уже целиком были съедены утки, наскоро пожаренные лепешки из дикого риса и выпита не одна глиняная плошка прозрачной сладкой родниковой воды. А они все сидели, как давние знакомые после долгой разлуки, и не могли наговориться.

– А ты откуда взялась в лесу ночью одна? – первым поинтересовался юноша.

– Я сбежала из дома, – искренне-простодушно ответила Гала.

– Что, поссорилась с родителями?

– Нет... – она на миг запнулась и виновато опустила голову вниз. – Нет у меня родителей. На несколько минут повисло тягостное молчание.

– Вот как... А я ведь тоже сирота, – приглушенным голосом задумчиво произнес собеседник.

Гала понимающе кивнула и вновь уронила голову на грудь.

Так и сидели бы они, погруженные в свои мысли, если не желание незнакомца во что бы то ни стало рассеять накатившуюся грусть.

– Так от кого же ты сбежала? Расскажи, жутко интересно.

Девушка подняла голову, и взгляд ее оживился.

– От Фуксии, – откровенно ответила она.

– От кого? От чего? От функции?

– Нет же! От Фуксии. Фуксия – это цветок в горшке, а вообще-то это имя моей хозяйки. Она злющая-презлющая... Вот. А вчера, понимаешь, вчера я совсем случайно, я вовсе этого не хотела, так само получилось... Честно! Ты мне веришь? Словом, я уронила фуксию на Фуксию.

– Ха-ха-ха! – безудержно расхохотался юноша, а с ним захохотал весь лес, отзываясь звонким эхом. – Цветок на цветок или горшок на цветок? Нет, хозяйку на горшок! Ха-ха-ха!

Наконец он успокоился, вытер набежавшую слезу и продолжил:

– А как же тебя звать, красавица?

Гала смутилась, снова услышав в свой адрес комплимент, но, глядя на своего хохочущего слушателя, сама не удержалась и ответила сквозь накативший на нее смех:

– Га... га... – пыталась выдать она, держась за живот, – Га... Галанта... ха-ха... А можно Гала..

Однако незнакомец не нашел ничего веселого в ее имени и стал, напротив, серьезен и задумчив. Медленно растягивая слова, будто разговаривая с самим собой, он произнес:

– Га-лан-та... Странное имя. Га-ла... Что-то оно мне напоминает, не пойму что...

Гала тоже задумалась и осторожно поинтересовалась:

– А твое какое имя?

– Алаг, – спокойно и просто ответил он.

– Алаг, Алаг... – повторила она. – И мне твое имя кажется знакомым, – девушка вопросительно пожала своими хрупкими плечами и вновь спросила: – А ты сам как оказался в лесу?

– Я тоже сбежал от своего опекуна генерала Олдафона.

– Как, как ты сказал? Генерала Олдафона? Я это имя слышала уже где-то... Да, в доме Фуксии. Странно получается... – Гала призадумалась, а потом уверенно продолжила. – Ну, ну, и что же?

И Алаг поведал ей свою историю. Еще в раннем детстве он лишился родителей. О матери он не знал ничего, а об отце слышал, что тот был военным и служил за границей. Там же он и погиб бесславно во время военного переворота. Это была темная история. А после Алаг был взят на воспитание полковником Олдафоном, который вовсе не заботился о нем, а все больше проводил время на смотрах и парадах. Его как раз только и произвели в генералы, наградили наградами за боевые заслуги, проявленные в подавлении экстремистского выступления в далекой республике Тиньдам.

– Какой? – Гала заметно заволновалась. – Ты говоришь, Тиньдам? Там служил и мой отец.

Но Алаг пропустил мимо ушей Галину реплику и продолжал рассказывать по-армейски четко, строго по порядку, как будто рапортовал своему командиру о проведенной военной операции. Да, именно в эту страну был дислоцирован гвардейский полк особого назначения для обеспечения безопасности на время проведения важнейших межправительственных переговоров. Но им так и не суждено было состояться из-за вспыхнувшего антиправительственного бунта. Вот тут-то и отличился непонятно какими заслугами его будущий благодетель.

Алаг встал с бревна и нервно зашагал взад-вперед.

– Ну а такой важной особе, как генерал, не дело заниматься воспитанием какого-то сироты. Поначалу я жил в огромном ведомственном доме под одной крышей с его адъютантами и ничего, кроме однообразных солдатских будней и грубого армейского юмора, не видел и не слышал. А когда подрос, был поскорее определен в кадетское училище, так сказать, с глаз долой из сердца вон. Но это дело оказалось мне по душе, да и обстановка благоволила моим успехам. Вскоре меня заметили...

Алаг заглушил костер, снял с крюка огромный котел с бурлящей водой, поставил на камень остужать. И продолжал:

– И вот год тому назад... да, да, год назад наш корпус должен был встречать правительственную делегацию из этого самого Тиньдама. Там только что произошла смена власти, и на новую возлагались большие надежды. Предстоящие переговоры имели цель наладить прерванные много лет назад экономические отношения между нашими странами. А основной упор делался на торговые связи в плане поставок сырья для целого ряда швейных и текстильных фабрик. Их строительство идет у нас в городе полным ходом.

– Да, да, – взволнованно подтвердила Гала и тоже вскочила со своего места. – Я помню, помню! Нам должны были организовать большие поставки шелка, кашемира и хлопка очень высокого качества. Фуксия сделала огромные заказы...

Алаг улыбнулся, и девушка, сконфузившись, замолчала. А он закивал ей в ответ и поведал, что на том самом правительственном саммите он находился в почетном карауле президентского полка на дворцовой площади. А их, будущих блестящих офицеров, под громкие звуки военного марша выпустили на передний край в парадных кадетских мундирах с алыми погонами, золотыми аксельбантами и начищенными саблями наперевес.

– И только к ковровой дорожке перед дворцом стал медленно подъезжать кортеж черных автомобилей с группой делегатов из Тиньдама, как в один момент на площадь ворвался, пробив ограждения, бронетранспортер. На нем были люди в масках, у одного из них в руках черный флаг с белым крестом.

– Это он, он! – опять воскликнула, не сдержавшись, Гала. – Флаг запрещенной группировки боевиков.

– Да, – подтвердил рассказчик, немало удивившись ее осведомленности, и продолжил: – Боевики передавали его друг другу, размахивали из стороны в сторону, палили в воздух из автоматов и кричали: «Долой президента! Долой мэра! Долой Боеслава!».

– Что? – Гала выронила из рук глиняную плошку, и та разбилась о камень. Но девушка этого не заметила. – Что, что ты сказал? Повтори.

– Долой прези...

– Нет, нет же! Имя! Чье имя ты назвал?

– Боеслав... Наверное, это их национальный герой, наверное, он сражался за свободу Тиньдама.

Гала решительно замотала головой и тихо, едва слышно произнесла:

– Это он, мой отец. Я его никогда даже и не видела.

Она снова села на бревно и безвольно свесила вниз руки. Алаг тоже загрустил.

– И я ведь тоже никогда не знал своего отца. Олдафон говорил, что он был трусом и сдался бунтовщикам, которые его и убили.

Тягостное молчание повисло в воздухе.

Гала встрепенулась первая:

– Так чем же закончился этот маневр с бронетранспортером?

– Ах, да! Это была диверсия. Чтобы сорвать план мирных переговоров, группа экстремистов проникла через оцепление прямо на площадь президентского дворца. Следствие потом доказало, что они готовы были стрелять и в делегатов, и в мэра.

– В Миродара?

– В него.

– Ну, ну, что же дальше? – от нетерпения Гала стала дергать Алага за руку.

– А дальше я выскочил вперед на своем Кумире...

– На чем?

– На своем рысаке, его зовут Кумиром. Значит, рванул я резко вперед и срубил саблей древко флага, потом выбил автомат у одного из боевиков.

– Ты же герой!

– Да куда там... Тут же подросла охрана, полиция. Диверсантов задержали, а меня...

– Наградили?

– Если бы! Сначала меня срочно вызвали в мэрию. Я был уверен, что сам Миродар меня и поздравит, и поблагодарит. Но по пути меня перехватил военный патруль и доставил прямо в штаб к моему благодетелю – Олдафону. Тот кричал, топал ногами, брызгал слюной. Кажется, готов был лопнуть от накипевшей в нем злобы. Он говорил, что я еще мальчишка и лезу не в свои дела. «Если тебе не дорога твоя жизнь, – вопил он, – то я, я дорожу своею». После бурного нравоучения он велел отправить меня на перевоспитание в карцер.

– Куда?

– В карцер, военную тюрьму.

– И ты сидел в тюрьме? – глаза у Галы сделались огромными, как два пруда, вроде того, из которого Алаг черпал воду.

– Как бы не так! Я сбежал от конвоя еще по дороге и напрямик сюда.

– Вот молодец! – Гала захлопала в ладоши и подпрыгнула на бревне так резко, что сухая кора отскочила от ствола и попала волку в морду. Он встал, жалобно завыл и поплелся к пещере досматривать прерванный сон.

А Алаг закончил свой рассказ. Он поведал о том, как сумел пройти болота, дикие заросли, как сбился с пути, а потом повстречал старую добрую колдунью, немного сумасшедшую, как ему показалось. Она-то и подсказала ему, как выйти к этой чудесной поляне, а заодно и предсказала: «Ты выйдешь отсюда лишь тогда, когда совершишь настоящий подвиг».

– Вот это да! – Гала всплеснула руками, вспомнив свою вчерашнюю встречу со старухой пророчицей.

– И вот год, как я живу здесь без подвигов, без наград, без славы. Здесь нет ни людей, ни машин, ни казарм. Здесь нет ни военной подготовки, ни служебной карьеры, словом, нет

ничего лишнего. Зато здесь есть все – воздух, вода, деревья, звери. Все самое простое, дикое и прекрасное. Посмотри!

И тут только Гала оторвала свой взгляд от разгоревшихся в волнении глаз рассказчика и посмотрела вокруг.

Широкая ровная поляна, защищенная могучими елями с раскинувшимися по сторонам пушистыми лапами, нежно освещалась послеполуденным весенним солнцем. В его лучах отчетливо были видны и старый, но крепкий дуб с толстым стволом и ветвями, и узкие, едва заметные тропинки, ускользающие в глушь лесных дебрей, и темный пруд с мелкой волнующейся рябью, отражающий бездонное синее небо, нежные пушистые облака и острую вершину скалы, питающей его своим игривым родником.

Гала даже зажмурилась от удовольствия.

– Хорошо-то как! Я и не знала вовсе, что так бывает, то есть, что так мало надо, чтобы было так хорошо.

Алаг заулыбался. Вдруг девушка быстро вскочила на ноги и, спотыкаясь, попятилась назад. Глаза ее были полны страха и отчаяния.

– Стой, Клов! – резко скомандовал Алаг. – Это свои, понял?

Серый хищник, насытившись одиночеством, решил было вернуться в общество своего хозяина, но встретив на своем пути чужака, принял свирепый вид и обнажил крепкие острые клыки. Видно, волчий дух был в нем сильнее короткой волчьей памяти. Голос хозяина заставил его застыть на месте. Однако Гала все еще дрожала и не могла поверить в перемену нрава дикого животного.

– Не бойся, он с тобой должен подружиться. Дай ему свою лапу, тыфу ты, руку.

Гала не шевелилась, а волк, улегшись на серое брюхо, пополз к ее ногам и осторожно положил на них свою добрую волчью пасть, как бы прося прощения за свою невольную свирепость.

– Вот и подружились, – весело заключил Алаг. – Гала и Клов будут жить только в мире.

Гала уверенно закивала и, окончательно успокоившись, села на бревно.

– А Клов – это его имя?

– Да, я так назвал его, когда он был еще совсем малышом.

И Алаг рассказал историю своей дружбы с лесным хищником. Это случилось в скором времени после поселения в чаще отчаянного беглеца. Однажды на охоте ему встретилась умиряющая волчица, придавленная прямо по хребту сваленным бурей деревом. Рядом с ней беспомощно пищало маленькое серое существо. Сердце охотника дрогнуло: ему невыносимо было видеть чужое сиротство. Он взял волчонка к себе в пещеру и стал откармливать его молоком диких коз, которые водились на местных скалах. А из шкуры погибшей волчицы сам смастерил себе немудреную одежду, в которой ходит и по сей день.

Алаг провел рукой по гладкому жесткому меху своего благородного наряда и гордо поднял голову. А Гала, напротив, вся сжалась, спрятала голову в плечи, а ноги в грязных тапках поджала под себя.

– Да, дела... – грустно заметил юноша и замолчал, погрузившись в раздумье. А Гала молча ждала, не поднимая головы. – Вот что, – наконец решил Алаг, – давай сделаем так. Ты пока перемой ложки, плошки. Вода в котле, зола в костре. Вот тебе мочалка лыковая, потрешь, помоешь, а сушить на суки развесишь да на камни разложишь. А я...

Он не успел договорить, увлеченный пришедшей ему на ум идеей, и скрылся в недрах пещеры. Клов – за ним.

«Что он удумал?» – Гала только пожалала своими худенькими плечами и принялась за уборку. Она с особым старанием выполнила эту привычную для нее работу, а еще натаскала воды в бочку, собрала аккуратно в поленницу наколотые Алагом дрова и сложила стопкой

огромные корзины для ловли рыбы, давно просохшие на теплой земле. «Что бы еще сделать полезного и нужного?» – она огляделась по сторонам и увидела двух друзей – Алага и Клова.

В руках молодого человека была маленькая белая шубка из козьего меха, в зубах волка – сапожки, такие же белые и теплые, тоже из козьего меха. Гала сразу заметила, что работа была выполнена настоящим мастером – аккуратно и качественно. Она только ахнула. А через минуту стояла над своим отражением в воде и не могла оторвать от него восхищенного взгляда. Такой красивой она себя никогда раньше не видела да и не подозревала, что когда-нибудь сможет так здорово выглядеть. Маленькая шубка, узко приталенная, сидела как влитая на тонкой девичьей фигурке. Белый мех играл в лучах солнца и тонко подчеркивал красоту ее ослепительно черных волос. Даже волк, повернув набок голову, смотрел восхищенно на это новое лесное чудо.

– А ты ведь у нас красавица, – подтвердил мысль сам Алаг и даже присел на землю, любуясь и своей работой, и ее неожиданным результатом.

Гала никак не могла поверить этому счастью, так неожиданно свалившемуся на нее. Она готова была хоть всю жизнь слушать хвалебные слова о себе. Но Алагу было недосуг долго болтать с подругой. Быстро опомнившись, он встал, резко повернулся, снял с ветки лук с колчаном, свистнул Клова и уверенно двинулся в дальний угол поляны, к узкой тропинке, ведущей в лесную глушь.

– Я на охоту, – бросил он Гале вслед. Потом на миг замедлил шаг, остановился и более добродушно добавил: – Вернусь поздно. А ты уж, будь добра, натаскай дрова в пещеру, а то очаг уже пустой. Еще посмотри в пруду сети, вон там, где колышки. Видишь? Навари на ужин ухи, если сможешь. В общем, сообрази чего-нибудь.

– Я соображу! – весело отозвалась Гала, понимая, что сделает все возможное, что будет стараться изо всех сил и покажет, на что способна.

Глава 2

– Никак не могу сообразить, куда подевалась эта паршивая девчонка, – стоя перед большим, во весь рост зеркалом и разглядывая на своем опухшем от пересыпа лице толстую черную родинку, изливала в телефонную трубку свои жалобы раздосадованная Фуксия. – Только вы сможете, только вы ее найдете. Вы единственный, на кого я могу положиться.

Фуфу понравилось то выражение лица и та интонация убедительного отчаяния, с которым она произнесла эту драматическую реплику.

– Будет сделано! – последовал ответ в трубке. – Я прикажу поднять гарнизон. Отдельные группы поиска прочешут квадрат за квадратом. О результатах доложу вам лично.

Грубый мужской голос умолк. Фуксия же только успела открыть рот, чтобы выразить чувство признательности, и закатить глаза в пылу нежности и восторга, как равнодушный телефон уже посылал ей короткие противные гудки. Она так и стояла с открытым ртом, сделав глубокий вдох и забыв выдохнуть.

– Далась мне эта канитель, тысяча холостых! – выругался на том конце провода маленький толстый мужчина в генеральской форме. – С этими детьми одни неприятности. Надо быстрее капитулировать.

Он вытер платком свою круглую лысую голову, сидевшую, как у снеговика, прямо на пузатом торсе без всякого намека на наличие шеи, и с удовольствием развалился в большом кожаном кресле. Оно издало привычный тяжкий скрип и умолкло, не вызвав к себе жалости. Толстый генерал только что неплохо пообедал жирным супом с приличной мозговой костью, свиными отбивными под пряным соусом, парой пирожков с телячьими почками, пирожным со взбитыми сливками и еще бог знает чем и теперь не намерен был тревожить ни ослепельный неподвижный мозг, ни натруженный трапезой желудок, изредка издававший короткие отрывки, ни кожаное кресло, взвалившее на себя столь солидный груз.

Но сон не шел к нему. Представив перед собой разъяренное лицо тетушки Фуксии, бросающей его непрерывной канонадой громкой выразительной брани, генерал благоразумно решил предпринять самый решительный маневр, на который был способен, и спасти себя от неминуемого скандала. Вялой рукой он дотянулся до телефонной трубки и толстым пальцем довольно ловко набрал знакомый номер начальника полиции:

– Олдафон говорит. Здравия желаю! Не хотел вас тревожить, господин полицейский, ать-два, по такому пустяку, но дело может принять дурной оборот, кругом, раз-два...

Он крепко выругался и изложил суть происходящего. Из трубки послышался такой же глухой ленивый бас:

– Да, сегодня ночью патруль обнаружил в районе стройки похожее по вашему описанию лицо. К сожалению, оно скрылось в пригородном лесу. Чтобы начать поиски, нужно возбудить дело, потом кидать силы... Алло, вы меня слышите? Так вот, тот лес нехороший. Я бы вам не советовал туда соваться. Тьфу, ты! Уже храпит, сонный боров. Ему и забот нет, а я занят тут по горло. Чуть что, сразу полиция, полиция...

Глава 3

– Опять эта полиция. Разъездилась туда-сюда, – посетовала продавщица из цветочного ларька Незабудка своей соседке, тоже цветочнице. – Что-то, видно, случилось... Ловят кого-то, прямо страсть.

– Да ну тебя. Выдумашь, – успокоила подруга по имени Василинка. – Будто не знаешь, скоро выборы мэра, вот патрули и наводят порядок. А ты бы лучше за покупателями следила. Вон к тебе кто-то навевывается.

И действительно, представительного вида дама в пышном парике, усеянном розовыми цветами, по-хозяйски настойчиво требовала взглядом и жестами внимания к своей персоне.

– Послушай, милочка, – начала она с порога. – Как там тебя? Одуванчик? Ах, да, Незабудка. Мне нужно с десятков крокусов, столько же гиацинтов и гербер, только самых свежих. А то я знаю вас. Все норовите какую-нибудь дрянь спихнуть. Да, и это еще... как его?

Дама крутила вокруг своей респектабельной головы пухлыми пальцами, униженными бриллиантами, и пыталась вспомнить.

– Хризантемы? – попыталась подсказать продавщица.

– Во-во, они. Тоже самые лучшие.

Незабудка бережно отбирала цветок за цветком и осторожно, даже ласково укладывала их на упаковочный лист.

– А что ваша помощница Галанта не пришла, госпожа Фуксия? – ненароком обронила она.

– Если бы! – в гневе фыркнула разборчивая покупательница и так раздраженно тряхнула головой, что несколько бутонов фуксии слетели на землю. – Эта паршивая девчонка сбежала из дома, где ее грели, опекали, руга... ну... и все такое. Видите ли, ее обидели. Она сама обидит кого хочешь. Меня чуть не убила насмерть. А все прикидывается невинной букашкой. А может, милочка, ты что-нибудь слыхала о ней?

– Не... нет... – неуверенно замотала головой Незабудка. – Хотя, впрочем... Я слышала сегодня ночью стуки в дверь, думала, что хулиганит кто-то. Так это, наверное, она и была, да?

Фуксия пожала своими толстыми плечами, взяла в охапку цветы и, припомнив что-то, спросила:

– А этот ваш профессор, ботаник... Как его? Фикус...

– Плантус, – поправила Незабудка.

– Ну да. Он-то, наверняка, знает, где она шляется. Или сам пригред у себя эту пигалицу.

– Нет, нет. Это исключено. Еще неделю назад профессор уехал на Крайний Восток за семенами редких сортов левкой и самшита. Приедет не раньше выборов. А может, ему что-нибудь передать?

Но Фуксия не ответила. Расстроенная, она заплатила за покупку вдвое больше нужного и ушла не попрощавшись, бормоча себе под нос что-то бессвязное. Букет цветов волоком тащился в ее опущенных руках, поднимая дорожную пыль.

Теперь ей в ее же доме было пусто и неуютно, будто вывезли оттуда всю мебель и все вещи. Конечно, Фуксия и сама могла бы заботиться о себе и о своем комфорте, лишь отдавая нужные указания своим работницам. Но гневно кричать и срывать свое недовольство на безответном существе было уже невозможно. У Фуксии просто почва уходила из-под ног, голова шла кругом и не желала ничего соображать.

– Нет, надо что-то делать, что-то предпринимать, – настойчиво стучало под ее взъерошенным париком, и мысли расползались в разные стороны, как перепуганные клопы.

Наконец ей удалось ухватиться за одну из них и не упускать до тех пор, пока та не раскрыла ей свой секрет. Это была не самая блестящая, но единственно возможная в сложив-

шейся ситуации идея госпожи Фуксии. Теперь сигнал о помощи она решила подать довольно слабавольному и нерешительному, но пронырливому и услужливому знакомому – министру Рококандру.

– И эта хамка, эта дармоедка пренебрегла моим радушием! – вопила она в трубку телефона. – Срочно! Быстро! Сейчас же! Верните мне ее, иначе...

Что бы случилось, если бы было иначе, она сама не знала. Фуксия в изнеможении рухнула в кресло, разбудив пружины, ответившие ей жалобным скрипом. Она была не в силах поправить даже съехавший набекрень парик с помятыми фуксиями. Так и сидела она, утомленная и омраченная, опустив голову, в большой гардеробной среди манекенов в вызывающе ярких и дорогих нарядах и дулась на весь мир, как мышь на сыр.

А в это время маленький серый мышонок, недавний возмутитель хозяйского спокойствия, совершенно наглым образом грыз подол розового шелкового платья и с нескрываемым любопытством наблюдал за почти равнодушным видом обезоруженной домовладелицы. Никаких признаков грозного настроения не отметилось на ее опечаленном лице. Только пухлая рука как-то вяло и машинально стянула с ноги туфлю и бросила в мыша. Тот ехидно пикнул и ловко отскочил прочь. А удар пришелся на большое настенное зеркало, которое не замедлило разбиться и отразить в своих осколках искаженное злобой Фуксино лицо.

Глава 4

Зато лицо Алага, отраженное в гладкой поверхности небольшой речушки, теряющейся среди скал, было исполнено доброты и самого благодушного настроения. Он сидел в зарослях ракитника и подкарауливал стаю косуль, пришедших сюда на водопой. Свободная от всяких мыслей голова наполнялась воспоминаниями, грустными и радостными одновременно.

До своего побега в лес он жил все время среди людей, был маленькой частицей большого общества, называемого кадетским корпусом, и при этом не ощущал себя самим собой, не имел ни собственной воли, ни собственных желаний. Вся его жизнь принадлежала предписанному военным законом режиму, невыполнение которого было сурово наказуемо.

Большая ослепительно белая доска с безукоризненно ровными четкими буквами висела посередине широкого плаца и неизменно твердо гласила, что день у воспитанников начинается точно в шесть утра с построения и зарядки. И каждое утро было до последней мелочи похоже на все другие. Одинаково стриженные, умытые, подтянутые, в чистой выглаженной форме, как на одно лицо, кадеты строем шли на завтрак, потом на учебу, на строевую... И ничего никогда не менялось. Только рос сам Алаг, и крепло в нем сознание собственного назначения.

Брошенный еще ребенком в поток военной жизни, он ясно отдавал себе отчет, что призван не посрамить честь мундира и стать настоящим воякой. И если большинство курсантов тяготилось муштрой и физической подготовкой, то Алаг, напротив, подвергал себя в полной мере самой суровой закалке и больше других проводил время на спортивной площадке и стрельбах. Из всех дисциплин лучше всего ему давались фехтование и верховая езда. С каждым годом он становился сильнее, выносливее, серьезнее, и многие наставники пророчили ему быструю военную карьеру.

Однако он сам или не прислушивался к их словам, или попросту не хотел им верить. Ведь исполняя все предписанные ему обязанности, он не видел перед собой главного – конечной цели, ради которой стоят все его усилия.

И в то же время, как истинный служака, Алаг предпочитал не терзаться лишними раздумьями, продолжая терпеливо тянуть свою ляжку. Своего опекуна Олдафона он уже не видел несколько лет и своей семьей считал круг ребят-сослуживцев. Нравом он был добродушным, по-военному неприхотливым и даже беспечным. Он не знал цену собственным вещам и удовольствиям, всегда готов был помочь выполнить за другого задание по математике, выйти вне очереди в наряд на всю ночь или отдать свой завтрак голодному товарищу. А на недоуменные вопросы приятелей неизменно отвечал:

– А это просто так.

Потому-то и прилепилось прочно к нему в корпусе прозвище «Алаг-просто-так». А он в ответ лишь простодушно улыбался и снова спешил делать добрые дела, не ведая им счет.

И вот этому простому и, как ему казалось, правильному существованию пришел конец, когда Олдафон незаслуженно отправил его в карцер. Конечно, военный человек не должен задумываться над полученным приказом и уж тем более сметь отклоняться от его выполнения. Но глубоко сидевшая в Алаге глухая ненависть к несправедливости достигла своего предела и вылилась в протест, который никто да и он сам от себя не ожидал. Совершив дерзкий побег, он тем самым полностью порвал связь со своим прежним привычным и незыблемым, как казалось, миром и сделался частью другого, дикого, необжитого, с его суровыми правилами и законами.

По своей природной привычке он быстро усвоил новые порядки, внеся в сложившуюся обстановку свои и вскоре незаметно слился с лесом и его обитателями, как будто жил здесь всю жизнь.

А теперь в этот мир, принадлежавший безраздельно только ему одному, явилось неожиданно еще одно существо, о котором он теперь должен заботиться как радушный хозяин. Это и взволновало, и обрадовало его, и вселило в него новые, не ведомые ранее чувства.

– Цок-цок... – звонкий стук копыт вдруг прервал ход его мыслей.

Алаг насторожился и тихонько выглянул из-за кустов. Несколько косуль деловито пронесли мимо, спеша на водопой. В легком облаке пыли он присмотрел одну, самую красивую, на его взгляд, и, вскинув лук, прицелился. Осторожно, чтобы не спугнуть всю стаю, он точным прицелом выпустил стрелу. И через мгновение длинноногая средних лет красавица лежала у его ног со стрелой в шее. Как опытный охотник, он не стал извлекать ее из раны, чтобы не дать растечься еще не запекшейся крови, и, взвалив с особой бережностью добычу себе на плечи, отправился домой.

Счастливый и усталый, он вернулся в пещеру довольно поздно и сперва не смог понять, что произошло. Он стоял на пороге вместе с верным Кловом и недоуменно глядел по сторонам. «Туда ли я попал?» – первая мысль, пришедшая ему в голову, заставила усомниться в истинности собственной догадки.

Но как бы то ни было, это была его, Алага, пещера, но... совсем-совсем другая. Чудеса начались еще у порога. Сам вход внутрь жилища был освобожден от привычной потертой шкуры, а вместо нее игриво украшен мелкими разноцветными камешками и ракушками, нанизанными на сухие водоросли. Такие же причудливые бусы были протянуты и над факелами в углах пещеры. Кроме того, десятки маленьких живых огоньков задорно резвились в глиняных площадках, уставленных вдоль стен жилища и под самым потолком.

«Как на присяге,» – подумал Алаг и сделал нерешительный шаг вперед. Тут он почувствовал вместо привычной рыхлой мякоти постеленных под ноги шкур твердую гладь нового покрытия – аккуратно сплетенных из камыша циновок. Алаг непроизвольно вытер обутые в самодельные меховые сапоги ноги и прошел дальше. А дальше он увидел, что пол в глубине пещеры оставался убран звериными шкурами, но совсем по-другому: из кусочков меха разных цветов и размеров был собран удивительно красивый орнамент, как на дорогих старинных коврах.

Забыв про тяжелую ношу, Алаг проходил все дальше и дальше, не уставая поражаться увиденному. Он обратил внимание, что на всех деревянных чурбаках и каменных выступах, служивших столами и полками, покоились аккуратно сотканые из сушеных трав скатерти и салфетки с вплетенными в них сушеными цветами и ягодами. А на них горделиво красовались сосновые и можжевельниковые ветки в изящных вазочках из пихтовой коры. Вся утварь стройными рядами высилась на полке над самым очагом, а в котле на огне бурлила уха, манящая аппетитным ароматом.

– Вот это да! – обронил Алаг и тут только заметил в углу маленькую Галу в белой меховой шубке, скромно улыбающуюся ему тихой доброй улыбкой.

Тогда только он скинул с плеч свою добычу, быстрым шагом подошел к девушке и крепко пожал ей обе руки. От этого она смутилась и опустила вниз голову.

– Неужели ты все сама? Какая же ты мастерица!

– А Фуксия говорила, что я дуреха и ни на что не гожусь.

– Пусть лучше позавидует тебе эта Фуксия, если сама хоть на что-то способна.

Гала с благодарностью посмотрела в ясные правдивые глаза своего нового друга. А он еще крепче пожал ей ее маленькие руки.

– Ой, а это что такое?

Он ткнул ногой кучу мусора возле лежанки.

– А это... – Гала смутилась, – это мои вещи. Я их после постираю.

– И это одежда? Тут только дырки. Даже Клову на подстилку не пойдет.

Он решительно метнул тряпки в огонь. Гала только ахнуть успела. А Алаг успокоил:

– Не расстраивайся. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Правда, Клов?

Волк в ответ поднял вверх голову и утвердительно завыл.

После ужина Алаг разделал тушу убитой им косули и отдал волку на съеденье самые крупные кости. Гала повесила сушить просоленные куски мяса. А оставшуюся шкуру Алаг принялся тут же выделывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.